

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

МОЙ ДРУГ, МИКА

Повесть

Мой друг юности, который с годами опустился до уровня приятеля, потом – просто давнего знакомого (что нередко бывает в жизни), с которым я раздружился уже очень давно, не буду вспоминать, как давно, не имеет значения... вот этот самый друг юности и молодости, с кем я учился в Москве в Литературном институте семидесятых годов, умер... скончался. И узнал я об этом совершенно случайно, от общего товарища, которого случайно встретил на какой-то презентации. Сначала я воспринял эту весть... ну, честно говоря, скорее всего, никак не воспринял, ничто не шевельнулось в моей душе, ни одно воспоминание о нашей молодости не всколыхнулось в памяти... Но прошло несколько ночей. И душа моя неожиданно заныла и затосковала, заскулила, когда я увидел во сне моего давнего бывшего друга. Я проснулся среди ночи, не включая света, посмотрел на часы в изголовье, долго смотрел, пока не разглядел время, и тут же забыл, что показывали часы; была глубокая ночь, глубокая черная ночь за окном с отдернутой занавеской, и, кажется, шел мелкий снег, снежок, не очень-то характерный для нашего города даже в зимние месяцы. Я посидел в постели, подышал спокойно, пульс был нормальный, подумал, не сходить ли в туалет, раз уж проснулся, однако продолжал сидеть неподвижно, будто удивляясь тому, что приснилось, хотя ничего удивительного в этом не было, мне часто снились умершие родные, близкие, друзья. Но увидеть именно его во сне теперь было равносильно тому, что увидеть случайного прохожего, лицо которого запомнилось днем на улице. Это я подумал, подумал... но что-то мешало мне снова лечь спать, и это что-то никак не было связано с думами, с мыслями, потому что внезапно нахлынуло в груди, да так, что сердцу стало тесно, я задышал, помассировал грудь... И вспомнил, как мы жили в Москве в те далекие, но яркие в моей памяти годы, из каких переделок – порой чудом – выходили, сколько раз и его, и меня могли бы выгнать из института, которым по молодости мы и не очень-то дорожили, а стоило бы – институт был по-своему уникален: единственный на всю огромную тогдашнюю страну. И вдруг я понял, что с уходом бывшего товарища я потерял большую часть своего сердца, что не зря моя душа неосознанно выла и скулила, вот почему, вот почему – душа ведь соображает гораздо быстрее головы.

В последние годы своей жизни он представлял собой довольно жалкое зрелище, обивал пороги чиновников, обижался, что ничем его не награждают, никакого звания не дают, и был уверен, что сам он намного значительнее, чем многие лизоблюды, близкие к руководству писательской организации, и потому получающие различные льготы и награды, а он скромно и молча стоит в сторонке, и никто о нем и не вспомнит. Хотя он не стоял в сторонке, а пользовался любой возможностью лезть в глаза руководству и не понимал, что был смешон, и за спиной у него многие над ним потешались, насмехались. А ему уже было немало лет, и, конечно, хоть он и не мог похвалиться своими заслугами, однако считал, что могли бы хоть как-то отметить и его небольшой труд, как отмечали многих и многих, мало чем от него отличавшихся. А он все это видел, переживал, обижался каждый раз, когда вновь его обходили и не вставляли в список награждаемых счастливиц, и так, обиженный, он и ушел из жизни...

Но я вспоминал не это, а наши счастливые юные годы, когда никто из нас ни о каком списке не думал, и были нам глубоко безразличны всякие звания и награды, в которых мы, кстати, мало что понимали. Мы весело прожигали наши молодые годы, молодые жизни, время от времени, будто проснувшись после похмелья веселых дней, встряхивались и старались немного поработать, или подготовиться к экзаменам, если приближалось время экзаменационной сессии.

Нельзя было сказать, что среди студентов он числился на хорошем счету, напротив – был довольно ограничен, ленив, равнодушен к знаниям, мало читал и писал из рук вон слабо: немножко прозу, немножко стихи, и трудно было назвать то, что он писал, прозой и стихами, и только благодаря безграничной лояльности, мягкости и мудрости нашего руководителя семинара, перед которым мы должны были периодически отчитываться о проделанной работе за истекший срок, он оставался в стенах института, в котором во все времена во главу угла ставились не экзамены, а творчество. Был забавный случай, когда пожилой, обремененный – в отличие от нас – многими житейскими заботами, проблемами, болезнями руководитель творческого семинара, проводя разбор его стихов, очень мягко, тактично произнес:

– У вас не совсем получается со стихами, уважаемый. Может, вы попытаете себя в прозе?

Не имея понятия, что уважаемый пробовал себя и в прозе, и давал читать своим сокурсникам, у которых его опусы вызывали недоумение, а то и откровенный смех. И вот прошло несколько недель, и наш приятель принес на обсуждение свой новоиспеченный (скорее – плохо испеченный) рассказ, который и огласил под общие смешки и удрученное молчание нашего мастера, который, выдержав паузу после прочтения автором своего труда, мягко, словно даже нерешительно проговорил:

– Вы знаете, я думаю, у вас не совсем благополучно с прозой... И вот ваши друзья тоже того же мнения... Может, вам лучше перейти на стихи? Как вы сами считаете?..

Тут уж мы, хорошо помня прошлый совет мастера, не могли сдержать смех. Он-то забыл. Пожилой человек, и эти несколько недель у него были полны забот и хлопот, в отличие от нас, не обремененных ничем, кроме своих молодых лет и жажды жизни, жажды как можно скорее прославиться, стать известными, востребованными. Если только всем этим можно было быть обремененными.

Но была и хорошая черта у моего друга юности – он не боялся и не обижался, когда над ним смеялись, и сам мог посмеяться над собой. И в тот раз так и случилось. Он посмеялся вместе с нами, и наверно, у нашего мудрого мастера отлегло от сердца, потому что он не любил говорить кому-то, что его работа, его труд неуспешен.

Зачем я это вспоминаю? И каждый раз обрывается тоненькая ниточка, короткая, не имеющая связи, продолжения, беспомощно повисает и приходится вытягивать новую из неряшливо собранного клубка... Да! Видел его во сне. И что же? «Все врут сновидцы...» Теперь, по здравом размышлении, в трезвом, как говорится, уме думаю, что ничего необычного нет в том, что я потерял еще одного приятеля, бывшего товарища, в моем возрасте пора бы привыкнуть к тому, что люди смертны, что люди умирают, в том числе умирают и твои знакомые, родные и близкие, и придет и твое время... И как я ни старался, я не мог повторить в себе, в своей душе то нахлынувшее и пронзившее среди ночи чувство, что заставило меня проснуться, и ощутить так реально смерть моего друга юности, будто это случилось с ним очень давно, и нам с ним по двадцать лет, и смерть его вызывает у меня потрясение, и я не могу понять, почему это случилось именно с ним, моим другом, таким еще молодым, полным жизни, веселым и глупым... И что мне теперь было делать с такой зияющей пустотой в душе, чем заполнить, если его, моего друга, нечем и неким заменить?

Москва конца семидесятых прошлого века... До сих пор для меня это выражение странно звучит – прошлого века.

Мое поколение привыкло называть прошлым веком девятнадцатый... Мы с ним зимним вечером шагаем по московским кафе на улице Горького, сейчас Тверская, ищем себе временных подружек на вечер... Мы веселы, полны оптимизма, полны хорошего, задорного, глуповатого настроения...

Я помню, когда, будучи абитуриентами Литературного, мы с ним познакомились, первое, что я от него услышал:

– Я баб люблю, – сказал он мне с таким видом, будто открывал страшную тайну.
– Неужели?! – шутливо ужаснулся я.

Но этот примитивный юмор он понял, рассмеялся от души, я его поддержал. По ходу выяснилось, что это и была его главная цель поступления в московский институт. Что ж, особым тщеславием в то время он не страдал, не стремился стать первым на курсе, скорее наоборот – не хотел выделяться, чтобы его не беспокоили, и это у него получалось. Его простота, которая была порой хуже воровства, понравилась мне чем-то, может, потому, что сам я был не такой, был пижонистым, часто неестественным, вечно кого-то изображал, кем-то хотел притвориться и был переполнен распирающим честолюбием. Мы как бы дополняли друг друга. Он хорошо мог убалтывать девушек, легко сходил, знакомился, а я при нем, как бы дополняя его, стоял (или сидел) с серьезным видом, пытаюсь тоже поддерживать пустой, непринужденный разговор, но часто и слова не мог из себя выжать, так и стоял (или ходил рядом), пытаюсь изобразить хотя бы вымученную улыбку на своем мрачном лице, отпугивавшем девушек, которые, поглядывая на меня, бог знает о чем могли подумать (*Еще заведут куда-нибудь, ограбят, изнасилуют, убьют!.. А-а-а! Помогите!..*)

Может, мы в те годы настолько сблизились, что он был моей половиной, лучшей половиной или худшей, неважно, но мы дополняли друг друга... Какой бы половиной он ни был, или я ни был, сейчас вдруг, после многих лет, как мы не виделись, раздружились, вдруг стало мне ясно, что уйдя, он забрал с собой эту половинку, которой мне не хватает, как человеку, позабывшему свое детство, не хватает памяти и таланта вернуться в те годы.

Он не разделял моего стремления, пока я живу в этом огромном городе, мегаполисе – в одном из самых крупных городов мира, известном высочайшей культурой и искусством, в городе, по численности населения превышающем республику, из которой я приехал – моего страстного желания повидать как можно больше (и в этом желании тоже было много тщеславия: вот поеду домой на каникулы, думал я, и буду рассказывать приятелям, что побывал в таком-то знаменитом театре, на такой-то гастрوليрующей выставке, на концерте известной оперной дивы), но мы с ним ходили по ресторанам и кафе, пили пиво в барах, менялись девчонками и старались в паузах между институтскими делами и заботами как можно ярче прожигать жизнь.

Общежитие ему не нравилось, и он снимал то там, то здесь, в разных районах города комнату, которую мы моментально превращали в дом свиданий, не считаясь с возражениями хозяев, и потому он недолго задерживался на таких квартирах. Я тоже не был в восторге от нашего общежития, хотя его вполне можно было бы назвать привилегированным по сравнению с другими студенческими общежитиями в те годы.

Когда пишутся подобные вещи, неизбежно и невольно происходит ретуширование прошлого, дополнение в ту или иную сторону реальности образа, порой чтобы заострить событийность материала в угоду дотошному и капризному читателю, любителю детективных романов, порой просто профессионализм заставляет приглаживать прошлое, выпирающее своими острыми углами из стилия повествования, и еще много других причин, почему в художественном произведении ускользает от автора документальная точность. Не будем привередливы. Мне необходимо познать его, хоть и задним числом, но обязательно узнать, что это был за человек, как он изменился, что происходило в его голове, в его душе? Узнав это, я могу узнать многое о себе.

Однажды, через много лет после нашего знакомства и нашей дружбы, когда оба мы жили в своем родном городе и более или менее успешно продолжали заниматься делами, он вдруг непонятным образом выбился из обычной жизненной колеи, которая уже превращалась в рутину, достал где-то денег (сам он их, как и я, не очень умел зарабатывать) и поехал на Мальдивы, места отдыха и развлечений миллионеров, на которых он вовсе не был похож ни своими повадками, ни образом существования. Я узнал об этом от нашего общего знакомого и, надо сказать, немало удивился: он был уже отцом двух взрослых дочерей, и семья его, нельзя было сказать, что жила безбедно и ни в чем не испытывала недостатка, напротив – испытывала, и множество проблем висело на нем, как на отце семейства: младшая дочь на выданье, жена часто хворает, сам фактически без работы... Но вот – сделал прорыв, забыл обо всем на свете и решил, верно, недельку пожить так, как не доводилось ни разу до сих пор.

Я поначалу недоумевал, потом, узнав, что ради этой поездки он продал кое-какие ценности, оставшиеся от покойной матери, вместо того, чтобы на эти деньги решить хоть часть семейных проблем, в душе стал осуждать его (как можно быть таким безответственным?!), но потом, подумав, решил, что он поступил правильно, и нельзя быть таким, каким я бываю в большинстве случаев, нельзя постоянно наступать на горло своим желаниям, требовать от людей, чтобы всегда их поступки были конструктивными и понятными, направленными на благо других, других жизней, а не своей...

Но все же я и все окружающие моего бывшего друга восприняли этот его поступок как нечто абсолютно неадекватное, противное его сути, его правилам и привычкам, все было перевернуто и разрушено в издавна сложившемся представлении о нем. И мне это понравилось, разрушать время от времени старый образ и возводить новый было необходимо, чтобы жить дальше, зная, что и эта неожиданная черта в тебе есть, и он это сделал. Не знаю, что происходило в его семье после, только он как-то временно притих, как-то съежился...

Он был женат на своей двоюродной сестре. Девушка по возрасту уже была близка к той черте, когда могла превратиться в старую деву, но тут мать моего друга и мать девушки одновременно взяли за бока его, запоздавшего с женитьбой, загулявшего сверх положенного срока парнишку, и стали активно уговаривать жениться на сестре.

– Как можно жениться на сестре?! – негодовал он. – Кто женится на сестрах, сестрах?! – у него была такая привычка: когда он волновался, то некоторые слова повторял дважды, впрочем, когда не волновался, тоже повторял.

– На двоюродной, двоюродной, – с двух сторон, напоминая, раздавались убеждающие голоса женщин. – Посмотри вокруг, все так делают, на двоюродных можно.

– Это сельские жители так делают, чтобы далеко не ходить, – возражал в свою очередь он. – Мы горожане, городские, родились и всю жизнь живем в городе, у нас так не принято, не принято...

– Принято, не принято, – ворчала мать нетерпеливо, привыкшая командовать в семье, как и на работе с высоты своей высокой должности. – Много ты придерживался того, что принято...

И было бы нечестно возражать, это звучало вполне логично – не придерживался, наоборот – нарушал, игнорировал, хулиганил. И потом – пора было остепениться, нагулялся с девушками – дай бог всякому! Да и кузина была хороша собой, симпатичная, сексуальная белотелая пышечка, он стал приглаживаться к ней, увиделся там и здесь пару раз, даже произвел неудачную попытку затащить в постель раньше положенного срока: своеобразная проверка на прочность. Нет, не удалось. Выдержала экзамен. Одним словом, женился, в плохие моменты супружества продолжая ворчать на выбранную тему: зря женился на кузине. Но пошли дети, и постепенно семейная жизнь наладилась, вошла в свое рутинное русло.

Но после этой единственной и ни в какие рамки его жизни не укладывающейся поездки (а жизнь его, несомненно, была в рамках) с ним стали происходить необъяснимые вещи. Так, например, он утверждал, что, прибыв на острова, а именно – в столицу Мальдив, город Мале, что располагается на атолле Каафу, он впал в какое-то болезненное забытие, в сон, и девять дней пребывал в этом сне, как в латаргическом, и вышел из этого состояния только за несколько часов до своего рейса, обратный билет на который был им заранее куплен. Но в то же время он детально помнил и рассказывал, как интересно, не хуже постоянного контингента богатых туристов, избравших эти места для своего ежегодного отдыха, проводил свое время, с кем проводил, что видел, какой у него был номер в пятизвездочном отеле, что подавали на завтрак и прочее, прочее. Однако нашлись люди, знавшие его и утверждавшие, что встречали моего приятеля на улицах, бродившего бесцельно, как сомнамбула, и не отвечавшего на приветствия, будто он никого не узнавал. Точно было одно – все эти девять дней он отсутствовал дома, в семье, и не было никакой возможности связаться с ним по мобильному, и ни одной весточки от него, и жена была близка к истерике, не зная, к кому и куда обратиться. Вернувшись, он, как ни в чем не бывало, опять впрягся в свои обычные будни, продолжая жить в рамках, ненадолго покинутых таким странным образом. В рамках приличия среднестатистического гражданина своей страны.

– Я так давно мечтал побывать в какой-нибудь экзотической стране, в дорогой курортной зоне, зоне, куда отправляются на отдых богачи, – признавался он в кругу семьи. – Я ведь, как вернулся после учебы сто лет назад, так никуда не выезжал, да и до института тоже... И вот я стал на работе по интернету изучать эти Мальдивы, все отели, цены, билеты на самолеты туда и обратно домой, какие виды активного отдыха предоставляют там туристам и сколько это стоит, одним словом, все, все до мелочей, мелочей. И так вжился во все, что предстояло, что еще до отъезда мне казалось, что я там уже когда-то побывал...

– Но почему же ты не предупредил меня, Михаил, не предупредил нас?... – резонно спрашивала недоумевающая супруга, глядя на него подозрительно, будто впервые видела. – Зибейда с мужем обошли все морги города, все больницы...

– Зибейда?..

– Это моя сестра, родная... не забыл?

– А! Да, да, помню...

– Почему не сказал, что хочешь уехать? Разве мы стали бы отговаривать?

– Конечно, стали бы, – парировал он и был отчасти прав: какая жена, имея в семье столько дыр, столько проблем, разрешила бы мужу, продав оставшиеся от свекрови ценности, потратить эти деньги на подобное легкомысленное (легкомысленное, чтобы не сказать грубее) путешествие? И зачем, кому это нужно было, какую пользу от этого дорогостоящего вояжа он получил?

– Ну, нельзя же все на свете измерять полученной пользой, – вяло возразил он, уже начисто утратив охватившее его до отъезда чувства авантюризма.

– Можно, – почти хором ответили жена и дочери.

– Есть вещи, много вещей, которых мы не можем себе позволить, – резонно добавила еще жена, желая подкрепить общее возражение, и, чтобы не оставаться голословной, сказала: – Мы не миллионеры, а ты не ребенок, и должен понимать: по одежке протягивай ножки.

– А я не хочу протягивать ножки, – отозвался он хмуро. – Раз в жизни... раз в жизни...

– Кстати, говорят, тебя видели... Кто-то видел тебя за городом на прошлой неделе, – сказала жена. – Ты даже не отвечал на приветствие, старался ускользнуть незамеченным. Где ты был на самом деле?! Ты что, обманываешь нас?! Может, ты никуда и не уезжал, ни на какие Мальдивы-шмальдивы, а?

Он посмотрел на нее тоскливым взглядом, безнадежно покачал головой, не отвечая: мол, что с тобой, курицей, говорить, все равно не поймешь...

На этой ноте, пока еще минорной, и начался семейный скандал на повышенных, мажорных тональностях, постепенно разгораясь, набирая обороты, но без участия главного действующего лица, которое устало и удрученно молчало, углубившись в свои воспоминания о чудесном путешествии.

— А может, это мой двойник?.. — неуверенно пошутил он, желая поставить точку в главной и весьма опасной теме обвинения со стороны жены, теме предполагаемой измены, которая ощутимо разбухала в атмосфере квартиры и становилась все грознее.

— Очень смешно, — ответила жена, — придумал бы что-нибудь более правдоподобное.

Но, как ни странно, его шутка вскоре стала вполне реальной.

Микаил бесцельно бродил по окраине города в наступавших осенних сумерках (этот район он давно облюбовал для прогулок), когда вдруг на совершенно пустой, как из сна, улице внимание его привлек идущий навстречу человек. Он не привык оглядываться по сторонам и мало на что обращал внимание, был сосредоточен, будто постоянно о чем-то важном думал, словно какая-то глубокая мысль, засевшая в голове, не отпускала, тревожила его, но тут будто что-то толкнуло Микаила, заставив поднять голову и придержать шаг — посмотри! И он посмотрел. Навстречу шел мужчина примерно его возраста, так же одетый и... похожий на него, как близнец, даже щетина на небритом лице прохожего была точно такой же, как у него, Микаила. Прохожий, не останавливаясь, бросил на двойника мимолетный, равнодушный взгляд и, как ни в чем не бывало, продолжил свой путь. Микаил же встал, как вкопанный, и, обернувшись, не в силах оторвать взгляда от спины прохожего, качнулся невольно в его сторону, хотел догнать его. И даже спина прохожего и его походка были потрясающе похожи, и пальто, и кепка, довольно редкая в городе, которую двоюродный брат привез ему в подарок из Брюсселя! Это был абсолютный двойник Микаила. И, переборов свое чувство, перешагнув через свою воспитанность, которая диктовала ему не беспокоить незнакомых людей, Микаил пошел за ним, случайным прохожим. Но тот словно растворился во мгле. Микаил прибавил шаг, побежал по улице в том же направлении, что и его двойник, бесполезно — мужчина как сквозь землю провалился. Никаких улочек и переулочков, выходящих на эту главную магистраль, не было поблизости, чтобы прохожий мог свернуть на одну из них, двери домов были закрыты... Микаил в нерешительности потоптался на месте, огляделся в сгущающемся вечернем тумане, не понимая, зачем вообще он пошел за прохожим, и что бы он ему сказал, если б догнал, постоял немного и продолжил свой путь к остановке автобусов. Пассажиров в автобусе было мало, непонятно, из каких соображений Микаил, окидывая мимолетным взглядом, стал считать их... один, два, три, четыре... шесть человек. На шестом взгляд его задержался, и он внутренне вздрогнул от неожиданности: это был его двойник, всего лишь минут пять назад встреченный на улице. Микаил, ошеломленный, стоял посреди салона автобуса, забыв сесть, хотя свободных мест было предостаточно, стоял под равнодушными взглядами пассажиров и не мог оторвать глаз от своего двойника, единственного в автобусе пассажира, который не обращал на него никакого внимания, хотя именно ему бы и следовало обратить. Он невольно, как под гипнозом, направился прямо к таинственному своему близнецу и уселся на свободное место рядом с ним. Двойник даже не взглянул на Микаила, хотя он до неприличия долго смотрел, буквально впился глазами в странного пассажира, недоумевая, почему тот не замечает и никак не реагирует на свое зеркальное отражение рядом. Но эту пару близнецов, одинаково одетых, не замечал, как ни странно, никто из немногочисленных пассажиров автобуса, или, скорее, никому дела не было

до того, что Микаилу казалось чудом.

Дома он хотел рассказать жене о своей удивительной встрече, но вовремя понял, что такое трудно передать словами – это надо видеть, никакого ошеломляющего впечатления, на которое он рассчитывал, и какое произвела на него самого встреча, рассказ не передал бы – и отказался от своей мысли.

Ночью ему снился престранный сон, и было такое ощущение, что происходит с ним виденное наяву. К нему явился двойник, сел на стул возле кровати со стороны Микаила, достал, как у себя дома, его сигареты из ящика стола, закурил и впервые посмотрел на своё зеркальное отражение, которым на миг ощутил себя Микаил. Он вздрогнул от испуга, прижался к жене под одеялом.

– Мика, – сонно пробормотала жена, – не приставай. Я очень устала сегодня.

Посидев молча и покурив, двойник исчез так же неожиданно, как и появился в спальне. После этого, более чем странного визита Мика уже не мог спать и все мучился вопросом: зачем он приходил? Чтобы просто напомнить о себе? Ну, напомнил, и что?..

Он беспокойно ворочался в постели, встревоженный видением, вздыхал и кричал невольно, пока жена не прикрикнула на него, тогда он поднялся и, помня, что утром у него нет никаких дел и можно поспать, выпил снотворное, и снова лег в постель, постепенно успокаиваясь.

Кстати, при всем том, что жизнь сделала с моим другом, превратив его из молодого, пышущего здоровьем и завидной потенцией женолюбца (в то время, когда родители его были живы и старались, чтобы чадо ни в чем не нуждалось и не знало отказа) в покорного отца семейства и чуть ли не подкаблучника у жены, он, Мика, не утратил интереса к женщинам, несмотря на свой вполне уже солидный возраст, когда нормальные пожилые люди довольствуются только женой и любовницей. Он не довольствовался. Напротив – старался при любой возможности не пропустить ни одной юбки, особенно те юбки, что были гораздо выше колен, будто провоцируя отцов семейств. Но ограниченность в финансовом отношении резко сузила круг этих самых возможностей. Тем не менее...

Как-то встретил он свою давнюю знакомую, с которой не виделся уже несколько лет. Завидев его, она усмехнулась.

– То годами не видимся, то каждый день, – сказала она. – Ты что же, следишь за мной?..

– Как каждый день? – опешил он.

– Вчера же виделись, – сказала она. – Уже забыл?

– Вчера?.. – он внимательно посмотрел на нее. – Ты уверена?

– Ну ты даешь! – коротко рассмеялась она. – У тебя что, подобного рода шутки появились в репертуаре? Я пока что в своем уме.

– Нет, правда, – проговорил он, словно оправдываясь, и стремясь узнать подробнее об этой встрече. – Я абсолютно... Напомни, пожалуйста...

– Ну, хватит! – деланно рассердилась она. – Стараешься убедить меня, что у тебя преждевременный склероз?.. Если б у меня сейчас не было свободного времени, послала бы тебя к черту.

– О чем вы говорили? Пожалуйста, напомни... – попросил он таким голосом, что теперь она в свою очередь внимательно посмотрела на него, заглянула в глаза и, ничего подозрительного в них не найдя, решила сжалиться. – Тем более, что у тебя свободное время...

– Да ты мне вчера голову заморочил, целый час рассказывал о своей поездке на... на Багамы, кажется, да?..

– На Мальдивы, – поправил он.

– Вот-вот, молодой человек, ездите по всему миру, а бедной женщине только и можете, что морочить голову, – сказала она и вдруг, приблизившись, протянула руку и погладила его по небритой щеке. – Тоже решил в молодые податься? Следующий моде? Теперь вся молодежь бородатая ходит... Наверное, чтобы их не спутали с бабами. Мужиков ведь нормальных не осталось, одни педики, – она вздохнула и многозначительно посмотрела на него долгим изучающим взглядом, в котором читались давние воспоминания.

Разговор принимал нежелательный оборот. Он рассеянно, торопливо попросился и, размышляя о том, что только что услышал, поспешил уйти.

Мысль о своем двойнике крепко засела у него в голове и не давала покоя. Откуда он взялся, почему до сих пор он не видел его, своего близнеца, почему тот так непонятно реагировал на его присутствие, словно ничего странного не находил в их абсолютной схожести, даже бровью не повел... Почему?..

У Михаила была старая машина, «Нива», которую еще лет двадцать назад купила ему мать, поставив забавное условие: пусть бросит курить, и тогда она купит сыну машину. Михаил пошел на невольную хитрость, курить бросил, но временно, после покупки автомобиля вновь вернулся к своей давней вредной привычке. Мать, естественно, была обижена таким поведением сына, да и ему самому, честно говоря, было неловко, но бросить курить было выше его сил, рука так и тянулась к пачке сигарет и зажигалке. Теперь машина его напоминала старую лошадь, которую пора было хоронить, но в свое время он вволю покатал на ней девиц легкого поведения, как до своей женитьбы, так и после. Он давно уже не пользовался автомобилем, который создавал массу проблем и постоянно требовал то небольшого, то крупного ремонта, так что в копеечку обходился. Но иногда, желая тряхнуть стариной, садился за руль, получая истинное удовольствие от езды, от скорости, что любил превышать, от порывов ветра в открытое окно, даже от въевшегося за долгие годы в салон запаха бензина...

Машина стояла во дворе среди многих других, гораздо более дорогих иномарок и, казалось, стояла, съжившись от стыда. Он сел, завел мотор и выехал со двора, еще даже не зная, куда поедет, но уже по дороге пришла мысль поехать на берег моря, на пляжную зону в пригороде, километрах в тридцати от города. Когда он гнал по трассе, неожиданно на пустом шоссе показался человек, да так внезапно, что Михаил едва успел притормозить и, как ни старался, все-таки сбил пешехода. Тот упал перед машиной.

Но откуда, черт возьми, он тут взялся?! Будто из-под земли, из-под земли... Чертыхаясь про себя и проклиная свое невезение, Михаил стал вылезать из машины, от страха он весь одеревенел, сердце стучало так бешено, что уши заложило. Он осторожно, вытянув шею, приблизился к месту, где предположительно должен был лежать сбитый им пешеход. Но никого на асфальте перед машиной не было. И тут он услышал тихое хихиканье, не веря своим ушам, резко оглянулся и увидел человека, усевшегося на переднем сидении. Михаил, испуганно глядя на незваного пассажира, сел на свое место.

– Как вы?... – начал и не смог закончить фразу Михаил, узнав в незнакомце своего двойника.

– Что – как я? – развязно спросил тот. – Как себя чувствую после того, как вы сбили меня, или как я очутился здесь?

– Ну, и то, и другое, – постепенно приходя в себя, проговорил Михаил. – И самое главное: кто вы такой? Откуда вы взялись? Что вы ночью делали в моей спальне?

– Я вам снился, – проговорил двойник.

– Снился, – машинально повторил Михаил, ничего не понимая. – Вы выкурили мою сигарету и оставили окурки в пепельнице...

– Это вы курили.

– У меня такое впечатление, что вы меня преследуете, преследуете...

– Это я вас преследую?! – возмутился пассажир. – Я вас оберегаю, вспомните Мальдивы... Ведь это я был там вместо вас... Но зато вы вместо меня всем направо и налево взахлеб рассказываете, как вы отдыхали на курорте миллионеров... просто вы видели все моими глазами, слышали все моими ушами, делали все моими руками, говорили моим языком, ели и пили, как вам казалось... но все это я... Вы и с места не тронулись из своего города, если уж на то пошло...

– Но как же?.. Что это вы несете?.. Чушь какая... Меня девять дней не было, жена даже ругалась, дома с ума сходили, что так уехал, ничего не сказав... А вы говорите...

– А ничего этого и не было, – парировал нахальный незнакомец. – Вы оставались в городе и никуда не отлучались...

– А деньги, деньги, что я потратил, и за что ругала меня жена?..

– Вы отдали их в долг, – напомнил незнакомец.

– Отдал в долг?.. Ничего не могу понять, – покачал головой Михаил. – Но я же своими глазами...

– Моими... – напомнил двойник, – моими глазами. Я был там, а вы оставались здесь, ушли из дома и жили девять дней у любовницы, которая наконец-то, на радость вам, развелась с мужем, и деньги дали ей... Вас и в городе несколько раз встречали...

– Да кто вы такой?! – абсолютно потерянный, все еще не в состоянии понять, что говорит ему эта его совершенная копия, истерично воскликнул Михаил и резко повернулся, чтобы еще раз в упор посмотреть на близнеца.

Но никакого близнеца не было, никого не было в салоне машины. Михаил, несмотря на свою растерянность, проворно вышел из машины, обошел ее кругом, оглядел пустое шоссе, посмотрел грешным делом и под машину – никого...

И в какую-то минуту ему показалось, что все это привиделось – и сейчас, и в прошлый раз на улице, а потом в автобусе, где никто, кроме него, не заметил сидевшего рядом с ним и притягивавшего взгляд любого нормального человека своей потрясающей схожестью, а потом еще в спальне... Приснился, говорит... А значит... Что?.. Что его не было? И что сейчас его тоже не было... Что он, Михаил, чуть не сбил машиной привидение, что разговаривал сам с собой, сам с собой спорил, не соглашался?.. Голова шла кругом.

Звонок телефона вернул его к реальности. Он посмотрел на экран – звонила жена.

– Что, Лала? – сказал он.

– Ты где мотаешься, Мика? – услышал он сердитый голос жены.

– Мотаюсь?..

– Я же предупреждала, что на обед пригласила Зибейду с мужем и детьми...

– Зибейду? – рассеянно, словно припоминая, повторил он.

– Это сестра моя, не забыл? – в голосе послышались издевательские нотки. – Скоро должны придти. Так что возвращайся и купи что-нибудь к столу, что-нибудь на десерт, фрукты, пирожные... Сладкое лучше возьми в «Аззе»... И постарайся явиться до гостей...

– Кажется, у меня не очень густо с деньгами, – вяло проговорил он, копаясь в кармане пиджака.

– Ничего странного, у тебя всегда не очень густо... Но сам хотя бы не опаздывай. Подадим на десерт тебя, делать нечего...

Он не стал отвечать, выключил телефон и поехал домой. С родными, как со стороны жены, так и со своей стороны, Мика не очень был близок, не приобрел себе друзей среди родни, и с каждым годом все больше отдалялся: поначалу, вернувшись

из Москвы, он очень кичился тем, что получил образование в таком престижном институте страны, как Литературный, потом, когда страна развалилась, а он в своей республике наконец-то в сорок пять лет был принят в местный Союз писателей, он вконец загордился и стал высокомерно, свысока смотреть на своих родственников и тем паче на родственников жены, среди которых не было ни одного члена не только Союза писателей, но даже ни одного другого творческого союза, и это еще больше отдалило его от родни, которая с иронией, а порой даже издевательски воспринимала его высокомерие и нежелание сблизиться с ними: времена изменились, и теперь цениться не творческие люди, какими бы известными они ни были (тем более, что известным-то он и не был, разве что известным среди близких), а люди, умеющие зарабатывать деньги, бизнесмены, дельцы, торгаши, которых среди родственников Мики и с той, и с другой стороны хватало. Но он, Мика, не хотел принимать такой реальности и жил в прошлом, когда писатели и художники были в фаворе, хотел многого добиться в своей профессии, но мало что для этого делал, не прикладывая никаких усилий, все мечтая, что развернется безоблачное небо его молодости и оттуда, сверху, посыплются давно ожидаемые блага. И, все дальше отдаляясь от тех, с которыми мог бы вполне естественно сблизиться, он оставался все более одиноким. С друзьями произошло почти то же: глупо-горделивый характер Мики вконец отдалил его и от друзей, и даже от тех, с кем делил он воспоминания о прекрасных и разгульных годах учебы; каждый из этих друзей нашел свой путь и шел все увереннее по дороге, которую он, не в меру честолюбивый Мика, еще не отыскал, хотя лет ему было уже немало. И постепенно одиночество со всех сторон окружало его, и Мика так же постепенно привыкал к своему одиночеству и все больше жил в мире нереального, в мире прошлого, приукрашенного и причесанного его фантазией, его однобокой мечтой, в которой он видел себя, коего восхваляли и почитали, на вершине славы.

И вот сейчас, когда, можно сказать, он остался один, без товарищей, без единомышленников, с ним случилось такое, совершенно непонятное происшествие, его преследует неизвестно откуда возникший и неизвестно, чего от него хотевший двойник. А может, его одиночество и спровоцировало приход необъяснимого двойника?..

Однажды знакомый редактор газеты, которую тот недавно учредил и прилагал немало усилий, чтобы сделать популярной, пригласил Мику сотрудничать в молодежный коллектив, несмотря на его уже далеко не молодой возраст, понадеявшись, что с возрастом его новый сотрудник приобрел, видимо, и какой-то опыт. Да, в какой-то степени редактор и учредитель не ошибся: Мика был грамотным и в роли корректора вполне мог бы успешно справляться с работой. Но нужен был человек инициативный, с новым подходом к газетному бизнесу, тем более, что газет в республике – и популярных, и дышащих на ладан – было множество, и выделиться среди них и завоевать читательские массы было делом нелегким.

– Я полагаюсь на ваш многолетний опыт, – сказал редактор Мике. – Да и институт в Москве – это ваш козырь. Приложите максимум усилий, научите молодежь... Как видите, у нас в штате почти все молодые. Передайте им свой опыт...

Редактор еще долго говорил, видимо, плохо понимая старую истину: человек будет делать то, что умеет и как умеет, и выше головы не прыгнет, и длинные разговоры тут не требуются. Мика почувствовал прилив гордости, когда редактор упомянул об институте, выпускником которого он был, все остальное он слушал вполуха, продолжая гордиться и исподволь снисходительно поглядывая на редактора, который не имел такого блестящего образования, как он. И в дальнейшем ко всем поручениям и заданиям в редакции он относился так же крайне несерьезно, рассеянно, невнимательно выслушивал говорившего, часто попросту забывал, что надо было выполнить, и раза два получал серьезные нагоняи от главного редактора, который дважды ему повторил одно и то же.

– Еще один такой промах, и вы будете уволены, – сказал он в первый раз Мике.

– Еще одна такая ошибка, и мы с вами распрощаемся, – сказал он во второй раз.

Одним словом, долго там Мика не продержался. Даже недолго не продержался. Апофеозом его неряшливого отношения к своим обязанностям стала вопиющая оплошность, которую сотрудники в редакции потом, после ухода Мики, еще долго вспоминали, хихикая и потешаясь. Как-то пришлось несколько дней заменять заболевшего ответственного секретаря, болезнь которого совпала с кратковременной командировкой главного редактора, и Мика по рассеянности повторил на страничке телевизионных передач программу за прошлую неделю. Последовал взрыв. Больной, с температурой, ответственный секретарь от досады и злости на этого олуха рвал и метал, хрипло кричал в трубку ругательства, которые Мика воспринял совершенно спокойно, со свойственной ему сонно-хладнокровной реакцией. Но так же хладнокровно и спокойно, убедившись в его профессиональной непригодности, уволил его главный, вернувшись из поездки.

Мика стал искать работу, однако нельзя было сказать, чтобы очень уж энергично, бездельничать ему нравилось больше, чем работать. Одно сильно донимало – каждодневное ворчание жены. И он, чтобы хоть чем-то ей угодить, таскался по разным организациям, где по его предположению мог бы работать; одновременно он обивал пороги ответственных служащих, демонстрируя потрепанный диплом, стараясь хоть что-то выклянчить за свои туманные многолетние заслуги, чтобы можно было предьявить жене: смотри, мол, мы тоже не пальцем деланы.

– Какие у него заслуги? – хихикая, спрашивали ответственные друг у друга после его ухода. – Он за всю жизнь издал две книжонки, никто его не знает как писателя. За что его награждать? Пусть Союз писателей и хлопочет за своих местечковых литераторов, раз он в их составе.

К тому времени, как он надумал без всякого совета и без спросу у семьи поехать на Мальдивы, он уже тихо-мирно пребывал на пенсии и какую-то небольшую денежную компенсацию за прожитые годы все-таки получал, чтобы не было мучительно обидно за эти самые прожитые годы (как примерно говорил полузабытый классик), одна из дочерей была замужем и родила ему внука, другой все еще не могли найти пару, несмотря на то, что ей миновало уже тридцать, и несмотря на то, что среди родственников со стороны жены были довольно-таки активные в этом отношении женщины, способные женить кого угодно на ком угодно, но в данном случае с младшей пока не везло, оставалась дома; однако была весьма бойкая, практичная, пробивная (не в пример папочке), работала в нефтяной компании и неплохо зарабатывала, так что помогала семье в основном она, а не глава семьи. Одним словом – жили, как могли, как могли, так и сумели. Но жили, как он заносчиво утверждал, встречая любопытных знакомых, не хуже других, ели-пили, веселились, ходили на свадьбы и дни рождений, если приглашали, не приглашали – сидели дома, смотрели телевизор. И вот неожиданная мысль, давно мучавшая, – поехать не куда-нибудь, а на Мальдивы. Много слышал, подробно ознакомился через интернет, да так подробно, словно побывал, понравилось, одобрил в душе, в голове... И самое главное: будет, что вспоминать, когда придет пора покинуть сей мир; тогда тоже, как другие, он может сказать: да, поездили, покрутились, даже Мальдивы повидали... И так же небрежным тоном, как ни в чем ни бывало, знакомым – да, съездил тут на Мальдивы, ништяк прошвырнулся, есть что вспомнить, от души оторвался... Короче: эта мечта сбылась, правда, дома пришлось расплачиваться и еще долго терпеть ворчание жены, но дочь встала на его защиту, не обеднеем, сказала она и тем самым поставила точку в самой болезненной для матери теме: растрата семейных денег, болезненный и весьма ощутимый удар по семейному бюджету.

Кстати, о веселье, о свадьбах... Бывали, бывали приглашаемы, но порой старались из соображений экономии обходить дорогие рестораны, где и подарок с их стороны должен был соответствовать, иногда посылали только дочь, которой все же надо было выходить на люди, глядишь, и встретит свою судьбу, не дома же сидя; да и один человек и подарок должен преподносить соответственно одному человеку, а не целой семье.

Вот недавно была свадьба у близких соседей, выдавали дочь, и так как проводилось мероприятие дома, пошли всей семьей. Встретили с почетом: как же, интеллигентная семья пожаловала. Как единственному писателю на свадьбе, Микаилу единогласно предоставили право тамады, он должен был вести торжество.

С одной стороны, Мика был польщен, но с другой – предстояла работа, а не отдых, который был скомкан, к речам он не привык, да и собравшихся за столом, кроме соседей, он почти не знал, чтобы сказать в их адрес, как положено, несколько теплых слов, добрые пожелания. Но отказаться нельзя было. Первый тост присутствующим понравился.

– Я прошу всех, – сказал Мика вялым голосом невостребованного оратора. – Прошу поднять бокалы за молодых. Мы давние соседи, а близкий сосед, как известно, ближе и роднее дальнего родственника...

Ну и так далее... Он еще долго развивал эту тему, окончательно утратив остатки зыбкого чувства меры, пока все дальние родственники не затаили на него обиду. И один из затаивших, молодой человек в конце стола, успевший уже напиться, несмотря на самое начало торжества, в ответ на лестные реплики и добрые слова в адрес тамады, когда хозяин дома назвал Мика известным писателем (на что тот даже покраснел от нахлынувшего чувства гордости), довольно громко, уже заплетавшимся языком, пробормотал:

– Известный только соседям этого дома, – и звучно рассмеялся, и смех его подержали несколько его собутыльников.

Фраза прозвучала как пощечина, и гости за столом злорадно притихли. Первой мыслью Мики было – запустить в обидчика блюдом с винегретом, но потом подумал, сделал вид, что он один не услышал оскорбления, и стал есть винегрет прямо из блюда под гипнотизирующими взглядами жены, делавшей страшные глаза. И когда за столом вновь через несколько мгновений возобновился общий говор, он продолжил возложенные на него обязанности тамады, время от времени бросая свирепые взгляды на конец стола, где обосновались хулиганы, и разрезая в мыслях своего обидчика на мелкие куски ножом для фруктов, так и лезшим в глаза из дешевой стеклянной вазы...

Мне было одиннадцать лет, когда благодаря энергичным усилиям отца наша семья из полуподвального арендованного помещения переселилась в нормальную, хоть и маленькую квартиру в хорошем, даже можно сказать элитном доме, где издавна проживала семья Мики. Да, с квартирным вопросом в те годы было тяжело, этот вопрос многих испортил, как утверждал классик мировой литературы. И поначалу Мика, его высокопоставленная мама и даже отец, что был при маме, смотрели на нас сверху вниз, высокомерно, и еле здоровались при встрече на лестничной площадке. У отца Мики эта высокомерность оказалась кратковременной и прошла, как детская болезнь, у обремененной ответственной должностью матери, видимо, была врожденной, а у моего ровесника Мики такое отношение ко мне как ветром сдуло после того, как я отлупил его во дворе, где все мы, дворовые мальчишки, играли в футбол. По крайней мере, в детстве и юности, пока мы оба не поехали поступать в институт, такое отношение не повторялось, но в дальнейшем эта болезнь, перенятая с генами матери и совершенно необоснованная в Мике, вновь подняла голову.

Во время учебы в Москве, на втором курсе, он влюбился в девушку на два года младше себя, то есть восемнадцати лет, и, позвонив домой, объявил родителям, что женится на ней. Родители, в особенности мать (так как она и была фактически главой семьи – и по заработку, и по крутому характеру, а не отец, умеренно, но с удовольствием пьющий и пропивавший те жиденькие деньжонки, что перепадали ему на таких же жидких, незначительных работенках) переполошились. Мать срочно послала отца с заданием разузнать и предотвратить, хотя мало верила в успех такой командировки. Отец, приехав в Москву, первым делом повел сына и его друзей-студентов в пивной бар, где по тем временам пиво было несравненно лучше и качественнее, чем у него в городе, и за кружкой пива стал вразумлять сына, но процесс вразумления застопорился на третьей кружке, старшее поколение быстро захмелело и стало нести чушь. Так что операция по предотвращению катастрофы позорно провалилась. Отец вернулся несолоно хлебавши, но со смаком рассказал супруге, что с девицей познакомился, и что та, несмотря на свои юные годы, слишком смекалиста и знает, чего хочет. «Большая умница и все при ней», – одобрительно заключил, сопровождая отчет о поездке красноречивыми жестами, папаша и тут же заработал звонкую оплеуху.

– Я зачем тебя посылала, болван?! – грозно насела на него жена.

И на этот раз, отложив важные дела, сама поехала, захватив родного брата (смахивавшего на ресторанный вышибалу), и вразумила-таки сына, что не след ему жениться на девице, уже в свои молодые годы бывшему в употреблении, и, по-видимому, не раз. Одним словом, сначала по-хорошему, потом пригрозили, потом пообещали, и в итоге – тревожно ожидаемое несчастье удалось предотвратить.

Несмотря на свои юные лета, девчонка-безотцовщина оказалась весьма сообразительной, бойкой и вполне самостоятельной, что и доказала, не спрашиваясь дома и забрав немалый куш за услугу у крутой тетеньки, с удовольствием отбыла в неизвестном направлении, пообещав не показываться в пределах видимости моего наивного, по уши влюбленного друга. Получив хрупкое обещание, что собиравшаяся на курорт попрыгунья исполнит данное слово, и очень надеясь, что благодаря своему разбитному характеру девчонка обязательно заведет с кем-нибудь курортный роман по прибытии в пункт назначения и позабудет её плохо управляемого сына, несостоявшаяся свекровь, тем не менее, сочла не лишним напутствовать её серьезным предупреждением.

– Ты знаешь, милочка, – ласковым голосом, абсолютно не вязавшимся с её грозной, внушительной внешностью и застывшим свинцовым взглядом, произнесла мать влюбленного олуха. – Знаешь, что я с тобой сделаю, если ты не выполнишь обещания?

Не вдаваясь в подробности, сообразительная девчонка моментально догадалась и, испуганно покивав, поспешила ретироваться. Больше её не видели.

– Ты не представляешь, как я её любил, – признавался мне мой друг, через несколько лет, когда, закончив учебу в институте, мы вернулись в свой город и искали свое место под солнцем (я – энергично, он, все еще надеясь и уповая на влиятельную мамашу, – довольно вяло). – Надо было мне на ней жениться. С ней я был бы счастлив. Я так её любил!.. Так нежно любил... Так нежно... огромные залежи нежности обнаружили в душе моей тогда... как нефть в арабских эмиратах...

Да, он порой любил так вычурно, не в тему выражаться. Но говорил правду. Иногда мне казалось, что солгать, придумать, нафантазировать – ему не хватало воображения, но каждый раз убеждался, что это не так, видимо, ему просто было лень врать и придумывать.

Мы сидели в пивнушке-стекляшке на бульваре, подходил к концу девятый десяток прошлого века, подкрадывался, коварно тая в себе множество событий, всколыхнувших огромную страну, наш город и наши жизни; но мы, ничего не подозревая, спокойно пили пиво, с удовольствием вспоминали, как пили пиво в московских барах в студенческие годы; и как раз было место и время для таких признаний, которые он тоскливо изливал на меня, а я вполуха слушал, рассеянно озираясь по сторонам. К тому времени он уже был женат, мой нетерпеливый друг, и, как оказалось, не совсем был доволен, хотя жена уже находилась на сносях, и скоро наш ловелас, плывущий по течению жизни, как бревно (может, скорее – как щепка?) должен был стать отцом, отцо-ом, что меня лично пугало, верно, потому, что я, в отличие от него, заранее представлял, какая это большая ответственность, и боялся её, этой ответственности.

– Однажды мы, – начал он рассказывать, и я уже заранее знал, что услышу это в сотый раз, что бы он ни рассказывал, потому что мы, многократно встречаясь, переговорили обо всем, что только можно было вспомнить. – Однажды мы отправились в кинотеатр повторного на Никитских, я с ней и Илюша со своей женой, он тогда уже был женат, и Сева, его жена, ждала ребенка, совсем заметно было, кажется, на шестом месяце... Я тебе рассказывал?..

– Нет, – невозмутимо ответил я как ни в чем не бывало, хотя слышал этот эпизод раз десять, но я знал: ему надо выговориться, зачем мешать, тем более, что мне тоже много чего хотелось вспоминать, и я, чтобы подкрепить свое «нет», энергично помотал головой. – Не слышал.

– А, ну вот, – обрадовался он, помолчал, призадумался и забыл. – О чем это я говорил?

Мы были уже достаточно выпившими, еще не пьяными, но уже в той степени захмелевшими, что подобные провалы в памяти казались вполне естественными.

– Ты сказал, – стал я напоминать, – Сева была на шестом месяце... Беременна...

– Беременна?! Не может быть! – недоверчиво посмотрел он на меня. – От кого?

– Ну... – задумался я. – От мужа, наверное...

– Ах, да! Конечно! – обрадовано подхватил он, видимо, вспомнив, о чем хотел поведать, и, улыбаясь, шутливо погрозил мне пальцем. – Наверное... А ты циник. Конечно, от мужа, от кого же еще!? Сева хорошая девочка, я с ними иногда созваниваюсь.

Мы выпили за Севу и за то, что они иногда созваниваются, и он продолжил.

– Так вот, мы вчетвером пошли в кино, а там шел сеанс мультиков, взяли билеты, вошли... ты знаешь, нам все равно было, что смотреть, потому что всем нам было хорошо вместе... А ты где шлялся? Или сидел за своей машинкой и писал, как крыса?..

– Не помню... Валялся где-то... Ты не отвлекайся, очень интересно, – и так как я был уже далеко не трезв, фраза прозвучала вовсе не издевательски. – Что там было дальше?

– Ты знаешь, мы, четверо взрослых людей, смотрели детские мультфильмы и от души смеялись, но не потому, что на самом деле смешно, а потому, что нам было хорошо вместе. Потом, когда мы вышли из зала, завязалась драка, какие-то нехорошие ребята стали приставать к моей девушке, к Соне, ну, ты её помнишь, наверное...

– Да?... – поднял я на него мутный взгляд. – Соня, Соня... Ах да! Это та, что, уходя рано утром пьяная, по ошибке в темноте надела твои трусы?.. А там твоя мама зашила в карманчике деньги, отправляя тебя после каникул... Помню, а как же... Ты тогда такой хай поднял...

– Да нет! – рассердился он и, досадуя, стал объяснять. – Это было в другой раз, в другой раз, и не с Соней, а с парикмахершей, ты все перепутал! Соня... это... Соня! Понятно? И она никогда бы не надела мои трусы... Что у ней, своих трусов нет?!

Я ей, между прочим, такие трусики покупал, что их и снимать не поднималась рука...

– Мы о трусах будем говорить или ты, наконец, расскажешь, – напомнил я. – Давай выпьем за это...

Мы выпили. Он горестно покачал головой.

– Надо было мне на ней жениться, она такая, такая была... Но бросила меня, зараза, уехала куда-то, ничего не сказав, а потом и вовсе исчезла из моей жизни... Надо было мне на ней жениться...

– Конечно, – заплетающимся языком проговорил я. – Тем более, такие трусики...

– При чем тут?!... – возмутился он и, кажется, даже немного отрезвел от возмущения, а немного отрезвев, вспомнил, что хотел рассказать, и продолжил: – Ну, значит, вышли, а эти придурки стали нас задевать. Я ввязался в драку, вмешалась милиция, нас всех забрали в отделение, нас четверых и этих троих сучат...

– Всего, значит, семь, – подытожил я, немножко гордясь про себя, что так точно подсчитал.

– Да. А я совсем забыл, что в кармане у меня был кастет, я даже не успел вытащить его при драке, и слава Богу...

– Слава Богу, всегда уповай на Бога, – я встал из-за стола и низко поклонился неизвестно кому, чуть не вызвав у себя приступ тошноты. Проходившая мимо официантка отпрянула от меня.

– Если будешь придуриваться, вообще не буду рассказывать, – вдруг неожиданно трезвым голосом сказал Мика.

Я удивленно уставился на него.

– Что ты, продолжай... – сказал я. – Безумно интересно, чем закончится.

Но он, видимо, потерял охоту рассказывать и быстрой скороговоркой закончил:

– Ну, взяли нас всех, слава Богу, не стали обыскивать, выручил живот Севы...

– Животы всегда выручают, – подтвердил я, стараясь, чтобы ему понравилась реплика.

– Увидели, что она беременна, отпустили. А тех троих нет, стали им вправлять мозги. Вот и вся история. Но зря... – он удрученно замолчал.

– Что зря? – поинтересовался я.

– Зря я на ней не женился, не женился, – ответил он.

– Твоя мама мне тогда говорила, – вспомнил я, чтобы хоть как-то успокоить его, – что если бы ты на ней женился, это было бы настоящей катастрофой... Несчастьем, несчастьем... – сказал я шутливо, переняв его привычку повторять без надобности отдельные слова

– Несчастьем, – повторил он, взял свой стакан и, не приглашая меня выпить с ним, опрокинул его в глотку.

– Мама у меня очень умная, – сказал он. – Министерская голова! Она все знает: что, кому и когда надо сделать. Но это моя жизнь... Вот этой простой вещи она не может понять... – он горько усмехнулся. – Несчастьем, говоришь?..

– Да, – кивнул я, – говорю.

Но подобные несчастья время от времени повторялись. Мика вообще был по натуре очень влюбчивым и, влюбившись, становился совершенно слеп, что и характерно для всех страстно влюбленных, не видел очевидных вещей или не хотел видеть, создавая, как всегда, свой собственный мир, со своими правилами и законами, вернее – без правил и законов. Но на этот раз дело было гораздо серьезнее, чем прихоть молоденького, неопытного в житейских делах студента. Он уже был женат и первому ребенку только исполнилось три года, а второй уже был на подходе – ничего не поделаешь: Мика любил детей, не считаясь со своими возможностями. Кстати, возможностей как раз в ту пору было немало – и мать помогала, и со стороны родителей жены оказывалась ощутимая помощь, видимо, скрепя сердце смирившихся с

тем, что зять оказался в житейском плане весьма и весьма никчемным и, следовательно, надо помогать, ничего не поделаешь – не кто-нибудь, а муж родной дочери, отец внучки. И вот этот муж родной дочери и отец внучки, позабыв все на свете, без памяти влюбился и, чтобы далеко не ходить, влюбился в соседку, что была замужем и жила в том же подъезде этажом ниже. Мика с женой уже жили, как говорится, своим домом, отдельно от высокопоставленной мамы, которая и преподнесла как свадебный подарок квартиру своему сыну и невестке. Он признавался матери, во все времена бывшей ему, единственному чаду, близким другом и старавшейся потакать всем его прихотям:

– Мама! Я так люблю её!.. – говорил он, чуть не плача, уткнувшись головой ей в подол.

Мать, сидя в кресле, машинально, но в то же время любовно гладила чадо по голове, прикусив губу и усиленно размышляя, как можно выйти из этого положения хотя бы с минимальным позором и сохранить семью сына.

– Вот сейчас, ты поверь мне, я все время думаю о ней, как она там, покушала, не голодная, муж её не обижает?.. О-о! Когда я вспоминаю о её муже, у меня от злости кровь закипает в жилах...

– Я понимаю тебя, – кивала горестно мать, раздумывая, как, оставаясь его сторонником, в то же время стать его противником, объявить ему войну, и тихо, исподволь, после продолжительной осады все-таки разрушить упрямую крепость, чтобы сын снова вернулся к нормальной жизни, которая в настоящее время уходила у него (и вместе с ним и у нее) из-под ног. Она панически боялась позора, скандала, понимая, что позор и скандалы, связанные с её именем, моментально отразятся на её карьере, на престиже, на её высокой должности, и многочисленные завистники и недоброжелатели не преминут воспользоваться подобной брешью в её безупречной репутации, чтобы скинуть её с Олимпа, к которому она терпеливо шла долгие годы, и обжила этот самый Олимп, как собственную спальню, умело пользуясь всеми его благами. И она, как ей казалось, нашла единственно верное решение. Втайне от сына, когда муж соседки был на работе, она явилась с визитом к молодой, опытной женским взглядом оценила её прелести, что выпирали из домашнего халатика, и стала её инструктировать. Соседка, с симпатией относившаяся к Мике (что им было раздуть в своем воображении до желания взаимности с её стороны), внимательно выслушала уважаемую женщину и уверила её, что ни о какой взаимности между нею и Микой и речи быть не может, что она нормально живет с мужем, ну, конечно, всякое бывает, и раздоры, и скандалы, вот разве только ребенка который год у них нет, но в остальном все как у людей... А с Микой она порой общается, когда выходит из дома и встречает его на улице или во дворе, но ей даже в голову не приходило, что он испытывает к ней какие-то чувства...

– Тогда я вас попрошу, милочка, – сказала мать Мики. – В следующий раз, когда вы его встретите на улице или во дворе, поговорите с ним так... так... – женщина поискала нужные слова и после паузы закончила, – чтобы отбить у него всякую охоту, чтобы он перестал надеяться, что у вас с ним может что-то наладиться... Вы можете мне обещать это?

Девушка пообещала и обещание свое сдержала в ближайшее время. Когда Мика, явно ожидавший её выхода во двор, стоял возле своей машины и нервно курил четвертую сигарету, она, выйдя, сама подошла к нему. Он, завидев её, заулыбался до ушей.

– Салима-ханым, – сказал Мика, лучезарно улыбаясь. – Я вас подвезу, куда скажете, садитесь, пожалуйста, мне все равно делать нечего...

– Да, я вижу, что вам делать нечего, – сердито ответила соседка. – Я замужняя женщина и, если это вас интересует, люблю своего мужа. И прошу вас оставить меня в покое и никогда больше не подходить ко мне...

– Что вы! – опешил Мика. – Я же из добрых побуждений...

– Не подходите ко мне – ни из добрых побуждений, ни из злых, – отрезала она. – Не то я пожалуюсь мужу. И он прекратит все ваши побуждения. Мой муж, вам наверное известно, – тренер по борьбе, так что держитесь от нас подальше. У вас семья, ребенок, как можно быть таким безответственным?! Вот, кстати, ваша жена смотрит на нас с балкона, идите к ней и занимайтесь своей семьей вместо того, чтобы без толку околачиваться во дворе...

Мика хотел ей ответить, может, что-то грубое, может – язвительное, высокомерное, а может, грубо-язвительно-высокомерное, но ничего не приходило в его голову литератора с высшим литературным образованием. Егохватило лишь на презрительный – сверху вниз – взгляд, отработанный на многих ничем не заслуживших такого взгляда людях, что лишний раз доказывало, что он был и остается маменькиным сыночком. Однако поступок соседки отрезвил его, как пощечина, и он, стараясь теперь находить в ней только неприятные, грубые, плебейские черты, постепенно забыл о своей влюбленности и вошел, как лошадь, в старую колею. Продолжал плыть по течению и жить воспоминаниями и мечтами, а не реальностью.

Но на этом его любовные истории не кончаются. Забегая назад, в то время, когда нам было примерно по пятнадцать лет и мы учились в разных школах (он – в элитной, я – в обычной) из его дальнейших рассказов, когда неоднократные возлияния в студенческие годы сдружило нас, я узнал о самой, может быть, сильной, но далеко не первой любви моего друга в этом подростковом возрасте. В пятнадцать лет он страстно влюбился в белокурую одноклассницу и возжелал на ней жениться. Но так как он был неприметным, чрезмерно и противно прыщавым мальчиком, пожалуй, самым неприметным и самым прыщавым в классе, то, естественно, был отвергнут. Он, нормально разговаривавший со всеми другими девочками из своей школы, при виде её немел и не мог связать и двух слов. Это тоже, конечно, сыграло свою роль, девочка стала относиться к нему, как к дурачку, и не преминула даже издеваться над таким простачком в кругу подруг, а порой и прямо в лицо, посылая его за мелкими поручениями, что он охотно и немедленно исполнял, как собака, посылаемая за брошенной палкой. Но в итоге, несмотря даже на такое послушание, был отвергнут – очень уж внешность имел непривлекательную; и порой девочка, очень эмоциональная и импульсивная, не могла сдерживать брезгливой гримасы, когда он слишком близко подходил к ней, и она отчетливо видела множество гнойных прыщей, безобразивших его лицо. Разумеется, о том, чтобы целоваться с таким уродом (как уже делали со своими избранниками некоторые её подружки, тайно доверявшие друг другу свои любовные истории), и речи быть не могло. Одним словом, после долгих мытарств, когда он, стараясь держаться на расстоянии, провожал её после школы, неся её и свой портфели, когда он до смерти надоел своим друзьям признаниями, предназначавшимися ей, когда он из-за своей преданной, отвергнутой любви сделался посмешищем среди всего класса, когда даже учителя, в основном женщины, с сочувствием смотрели на него, не в силах представить эту красавицу блондинку с таким прыщавым, противным – бррр! – юнцом, тогда он, наконец, не выдержав, признался маме...

– Мама, я так её люблю, – говорил он, плача, уткнувшись в её колени. – Я с ума схожу по ней...

...признался маме, которая всегда его понимала, что хочет жениться на однокласснице, потому что никогда уже не встретит такую необыкновенную девушку, и мама переполошилась и стала лихорадочно соображать, чем могла бы в такой сложной даже для неё ситуации помочь своему единственному чаду (и в конце концов сообразила), когда он, уже окончательно потеряв всякую надежду на взаимность со стороны объекта любви, в особо критическую минуту депрессии, вообразив, что

жизнь его окончилась, сделал даже неловкую попытку суицида в туалете на бельевой веревке, но упал и расшиб лоб (что, однако, несколько отрезвило вешавшегося), и мама была срочно вызвана перепуганной домработницей с работы во время важного заседания... после всего пережитого им самим и мамой (в отличие от хладнокровного, почти всегда под хмельком отца, который ко всему происходящему в доме относился равнодушно, заранее уверенный, что жена все уладит), опять же мама, дорогая мамочка, милая, любимая мамочка, в какой-то степени и в самом деле уладила эту неприятную, драматичную любовную историю сына обычным старым приемом: охладила его страстный любовный пыл еще более страстным. Старая домработница, прослужившая в этом богатом доме уже около десяти лет, была под каким-то предлогом тактично и временно уволена хозяйкой (тактично и временно потому, что за долгие годы, вполне естественно, стала почти членом семьи, многое знала и могла разболтать, потому ей, можно сказать, просто дали отпуск), а её место заняла новенькая – молодая, смазливая, с пышными формами девица, которая в уборке квартир весьма и весьма уступала старой домработнице, но кое в чем другом могла дать фору многим разбитным девицам, ищущим легкого заработка. Заработок ей был обещан очень даже щедрый, с условием, чтобы она и близко не подпускала к себе мужа хозяйки, чего, несомненно, подлец, будет домогаться, но мальчиком занялась бы всерьез и профессионально. Мальчик, конечно, был в восторге, вкусив запретный в его возрасте плод; по первому делу немного напуган, очень неловок, но инструкторша попалась высокопрофессиональная, так что буквально с первого раза, когда они остались одни в квартире, он позабыл все на свете, был в восхищении, был потрясен и был воскрешен. Что и требовалось доказать. Девица, проработав таким образом месяца три, была щедро награждена (не орденом, деньгами) и, довольная, покинула гостеприимный дом, к досаде отца семейства, так и не вкусившего от щедрот обильной телесами молодухи. А Мика стал другим человеком, что часто и происходит с неопытными юнцами, ставшими мужчинами, обычная история. Теперь он вполне оправданно заносчиво смотрел на своих сверстников в школе и со снисходительной усмешкой слушал их фантазии на тему любви, секса, встречи с проститутками, но сам (что интересно и не очень характерно для юнцов, прошедших через свою первую физическую близость с женщиной), не любил распространяться по поводу новоприобретенного опыта. И, кстати, прыщи вскоре прошли, и вместе с ними прошла каждодневная нервотрепка, когда перед зеркалом он с содроганием и ужасом рассматривал свое изрытое гнойниками лицо, яростно выдавливая их, протирая ваткой с тройным одеколоном, прикладывая к сочившейся сукровице крохотные кусочки бумажных салфеток и ожидая, чтобы засохли расцарапанные места, чтобы отправиться в школу. Прыщи испортили ему юность, пожалуй, самую ценную часть жизни для влюбливых мальчишек. Он, как избалованное дитя, доходил до истерики перед зеркалом, готовый содрать кожу со своего лица. Видя, как мучается родное чадо, мать обратилась за советом к своему косметологу, опытному врачу.

– Это у него переходный возраст, – сказала женщина, внимательно, профессионально оглядывая кожу на щеках давней пациентки. – Крем, пожалуй, временно прекратите... А мальчик... Ничего страшного. Многие мальчики в его годы прыщавые...

– Я не за тем пришла к тебе, милочка, чтобы услышать то, что уже знаю, – бесцеремонно прервала её, как свою домработницу, высокопоставленная особа. – По совету. Может, переливание крови, или есть другое, менее радикальное средство...

– Время, – сказала покорно милочка, абсолютно не обидевшись на грубое обращение выгодной клиентки. – Потерпеть...

– Это как раз то, чего он не умеет, – сказала мать и наградила милочку одной из новеньких купюр из сумочки.

Но после того, как исчезли фурункулы и прыщи, когда он приобрел, хоть и не-

большой, любовный опыт, желание жениться на белокурой красавице резко охладело, и теперь он смотрел на нее другими глазами, оценивающе смотрел и находил в ней не только внешние достоинства. И первая любовная практика явилась для Мики радикальным средством для избавления от стеснения и робости, у него развязался язык: теперь он не только разговаривал вполне раскованно с недавним объектом своей любви, но и смотрел на неё снисходительно, сверху вниз. Одним словом – победила мама, добившись, как всегда, своего, хоть и скрепя сердце: не хотелось бы, конечно, прибегать к подобной практике для сына в его юном возрасте, но делать было нечего – попытка суицида со стороны слишком импульсивного, эмоционального единственного чада не на шутку напугала её.

Таким образом, мой друг постоянно влюблялся, и множество влюбленностей в его жизни было, пожалуй, главными вехами, главными моментами, без которых он не мыслил, не помнил, не хотел видеть свою жизнь.

У него была буйная, необузданная фантазия, которая странным образом не находила своего применения в его писательской деятельности: то он воображал себя гуляющим по Пляс Пигаль в Париже, то посещавшим квартал красных фонарей в Амстердаме, то ездил по экзотическим странам Латинской Америки, то вот Мальдивы... поди теперь пойми, на самом деле, или опять же инертность характера, мешающая сдвинуться с места, лень и склонность к хроническому ничегонеделанию позволяли в то время, как он сидел дома, разгуляться его фантазии, основанной, кстати, на хорошей информированности: он любил такую информацию о странах и городах мира и скрупулезно изучал, заимствуя из разнообразных справочников и Интернета. Когда у него спрашивали, откуда у него такая точная информация, если он дальше своего дома нигде не был, он загадочно отвечал: «При желании все можно узнать», и было непонятно – бывал или не бывал, ездил или не ездил... Я не раз убеждал его попробовать себя в жанре фантастики, на что он заносчиво отвечал:

– Я реалист и останусь реалистом в своем творчестве...

И смотрел на меня вызывающе и презрительно, будто я призывал его стать педерастом.

Он был очень наивен и доверчив, мой друг Мика. И эта наивность осталась с ним навсегда, до конца жизни. Будучи студентом, он охотно давал взаймы, кто бы ни попросил, а сам никогда не одалживался – такой у него был принцип. Из дома ему раз в две недели, как зарплату, посылали почтовые переводы, так что он ни в чем не нуждался, стипендию получал, и по своему характеру умел обходиться самым малым, так что редко когда у него был дефицит денег. Все это знали и по студенческой привычке перехватывали у него по мелочам до стипендии, он охотно выручал, часто забывал, но возвращали аккуратно. Однако и среди голодных студентов порой попадались лукавые проходимцы, готовые пожить за чужой счет. Один из них, парень курсом старше, попросил как-то у Мики в долг, но большую сумму, чтобы купить билет на самолет.

– Мне домой, в Харьков надо слетать, – сказал парень. – Срочно. Жена заболела, – и товарищ по институту сделал жалостливое лицо, чтобы доверчивый Мика поверил, что не обманывает. – Вот, телеграмму прислала, – парень покопался в карманах, но так и не вытащил телеграмму, чтобы предъявить, – Мика, я на три-четыре дня, вернусь – отдам.

Это был как раз один из редких случаев, когда денег у Мики не оказалось, часть он раздал товарищам в долг, часть потратил, а накануне справил мой день рождения в дорогом ресторане, не позволив мне расплатиться.

– Мне только послезавтра пришлют из дома, – с виноватым видом сказал Мика, ему стало неловко, что не может выручить товарища. – Честное слово – нету...

– Я уже у нескольких ребят просил, все на мели, – удрученно признался товарищ, и вдруг внимательно-оценивающе посмотрел на новенькую шапку на голове у Мики. Это была дорогая ондатровая шапка, которую ему прислали из дома, теплая, удобная, и к ней Мика уже за несколько дней ношения очень привык.

Мика тоже поднял глаза вверх, куда смотрел товарищ, но шапки не увидел. Они стояли у дверей общежития, шел мелкий снег, морозец ощутимо щупал Микин нос и тщательно выбритые щеки, от него пахло дорогим одеколоном, который в те годы трудно было достать – мама, пребывавшая на видном государственном посту, хорошо зарабатывала и Мику баловала. Товарищ принюхался, приблизив нос к Микиным щекам.

– Хорошо пахнешь, – констатировал он, нанюхавшись. – По бабам ходил?

– Да, – честно признался Мика. – Ходил.

– Да, незадача, – грустно проговорил товарищ, снова мельком глянул на шапку и неожиданно предложил. – А давай твою шапку продадим, а? Выручишь, старичок, ей-богу...

– Как? – удивился Мика. – У меня другой нет. Мне же холодно будет. Я мороз не переносу, заболею...

– А я тебе свою кепку дам, – предложил товарищ, снимая потрепанную кепку с головы таким жестом, будто дарил соболью шубу. – Носи на здоровье! Я мороза не боюсь.

– А как продать? – спросил Мика, уже обдумывая этот вариант, как единственный: отказать ему не представлялось возможным, очень хотелось выручить товарища.

– Сейчас поедem на «три вокзала», там у меня спекулянты знакомые постоянно ошиваются, помогут, – обрадовано сообщил парень, поняв, что уговорил этого олуха. – Ну, спасибо, старичок, выручил. Я потом все верну...

Они сели в автобус и поехали продавать шапку, что весьма проворно и проделали. Там были цыгане, завидев Микиного товарища, они подбежали, окружили двух приятелей-студентов, стали щупать и нюхать шапку, мимолетно глянув на хозяина шапки, тут же сообразили, с кем имеют дело, и в итоге выторговали шапку примерно за треть цены, что она стоила, но зато их женщины бесплатно погадали Мике по ладони и объявили, что его ждет дальняя дорога, большое богатство и удача в любви. Товарищ, забрав деньги у радостно улыбавшегося Мики (было непонятно, хватит ли их на авиабилет), прямо там и распрощался с Микой и поехал к своей любовнице в Раменки, причем, поехал на такси, а Мика в потрепанной кепке, без копейки денег вернулся на автобусе в общежитие, чувствуя, как мороз холодит темя сквозь потертую ткань головного убора, которому затруднительно было бы присвоить такое благородное звание после дорогой ондатровой шапки. Долг товарищ возвращал по частям, неаккуратно, и вернул в итоге не все, однако этот случай, как и многие другие, когда Мику явно обманывали, не научили его быть хоть немного практичнее и хитрее, ему лень было быть хитрее. Но не всегда мой друг был так глупо наивен и непрактичен, в некоторых делах он проявлял очень даже неплохую смекалку и жизненный опыт, впрочем, учитывая его далекую от житейских проблем, спокойную жизнь, неизвестно откуда почерпнутые. Множество совершенно непохожих, полярно отличавшихся черт характера сосредоточилось в моем друге, и, как ни странно, все они довольно комфортно уживались, не вступая в противоречие, внутри одного человека – в душе незадачливого моего друга Мики.

Ночью в кромешной тьме спальни у него сквозь чуткий сон вдруг появилось ощущение, что кто-то на него смотрит. Мика в страхе открыл глаза и увидел в изголовье кровати своего двойника, вздрогнул от неожиданности и, отдышавшись, спросил шепотом, чтобы не разбудить жену, спящую рядом:

– Ты опять?! Что ты... что вы меня преследуете?! Что вам надо?!

– Неужели непонятно? – спокойно отозвался двойник. – Хочу помочь тебе справиться с этой жизнью.

– Не понял, – проговорил Мика, бросив испуганный взгляд на жену, что-то неразборчиво пробормотавшую во сне.

– Справиться с этой жизнью, – тоже тихо, чуть ли не по слогам, как говорят со слабоумными, повторил двойник. – Ты плохо приспособлен к жизни.

Мика невольно усмехнулся в темноте, сам не понимая, кому адресована эта усмешка.

– Ну, в таком случае, – произнес он тихо и таким же тоном, как и его двойник, будто желая отплатить ему за оскорбительный тон. – Ты опоздал лет на шестьдесят... Надо было начинать, когда я был еще ребенком...

– Но ты наконец должен узнать, что из себя представляешь, потому что ты живешь в нереальном мире, ждешь, когда что-то хорошее и незаслуженное тобой само по себе, без твоего участия, случится, а ты будешь пожинать плоды...

– Мои родители, видимо, неправильно воспитали меня, – проговорил Мика, желая побыстрее избавиться от нежеланного гостя, этот разговор был противен ему, тревожил и беспокоил, слова двойника обижали и оскорбляли. – Особенно мама, она до конца своих дней, как умела, потакала моим желаниям... Бедная мама...

– Родители... Мама... Сейчас легко все сваливать на родителей... А сам ты? Посмотри, что из тебя получилось...

– А что получилось? – спросил Мика, явно заинтересованный, ожидая, что двойник скажет что-то новое, неожиданное, что никогда не приходило ему в голову.

– Ты уже пенсионер, а гордишься тем, что сорок лет назад окончил престижный вуз, в который ты, кстати говоря, буквально чудом просочился. Время поменялось, ценности поменялись, ты не хочешь понять этого и все ждешь, чтобы жизнь приспособилась к тебе, как поступают глупцы, вместо того, чтобы самому стараться приспособиться и найти свое место в этой жизни...

– А я нашел! – живо отозвался Мика, перейдя с шепота на полный голос, не в силах сдержать возмущения. – Я член Союза писателей.

– Да чихать хотели сейчас на этот ваш союз, – тоже ровным шепотом напомнил двойник. – Посмотри на себя: ты ничего не добился, ты бесхарактерный, неоправданно высокомерный, у тебя нет силы воли, чтобы что-то изменить в своей жизни, ты способен удержаться только на той работе, где можно ничего не делать, но даже там ты не можешь преподнести себя должным образом, чтобы тебя уважали...

– Плевать мне на их уважение, – сердито прошептал Мика.

– Вот-вот... Ты и доплевался. У тебя нет близких друзей, ты утратил все связи, что мог бы использовать в своих целях, ты абсолютно недалёковидный и не видишь дальше своего носа... Тебе и твоей семье сначала помогала мама, потом она передала эстафету родным твоей жены, и они заботились о твоей семье, считая тебя законченным бездельником...

– Плевать мне, что они считают...

– Ты и как писатель ничего не добился...

– Но-но-но... Не болтай лишнего!

– Вот-вот... Честнолюбия тебе не занимать, тщеславие непомерное, ничем не обоснованное. Но оглянься: что удалось сделать? Ты растерял своих друзей из-за своего скрытного, нелюдимого характера, не можешь нормально, как другие, заботиться о семье, ничего не зарабатываешь, и семью, которую должен был содержать ты, содержит твоя дочь... Ты за все эти годы издал две книжки в местном издательстве, да и то потому, что директор издательства был твоим земляком... Ты не хочешь ничему учиться, как другие профессионалы, не хочешь получать нужную информа-

цию, знания, что помогли бы тебе писать интереснее, и считаешь...

– Другие, другие... – сердито пробормотал Мика. – Я не другие... У меня свое творчество. И что ты от меня хочешь? Что ты привязался?

– Хочу, чтобы ты понял, наконец, что ты из себя представляешь. Может, это поможет тебе правильно жить дальше.

– По-твоему, я все эти годы жил неправильно? – с нескрываемой обидой в голосе спросил Мика, и это был для него не риторический вопрос, потому что, хоть и не желая показывать вида, он напряженно ждал ответа от этого незнакомого, очень странного и не совсем реального двойника, хотя, протяни он руку, и мог бы дотронуться до этого призрака во плоти.

– Назови хоть одну свою хорошую, полезную для тебя, практичную черту характера, – проигнорировав этот главный для собеседника вопрос, попросил двойник с издевательскими нотками в голосе, которые, как ни странно, он смог придать даже своему шепоту. – Может, хоть что-то позитивное найдется в твоей никчемной жизни.

Вопрос заставил Микку задуматься.

– Я никому не делал зла, – после небольшой паузы тихо, спокойно ответил он. – Не знаю, насколько эта черта практичная, но я никому ничего плохого не делал, – он помолчал и, не слыша ожидаемых возражений, прибавил: – Разве этого мало в наше время, где каждый старается сожрать другого?..

На это двойник не ответил и под пристальным взглядом Мики стал медленно растворяться в сгустившейся вокруг него тьме и наконец исчез. Мика еще долго смотрел на то место возле кровати, где только что стоял непрощенный, надоедливый гость.

«Призрак, – подумал он. – Значит, призрак. Жаль, что не дотронулся до него, интересно, какие были бы ощущения?»...

– Кто приходил? – сквозь сон пробормотала жена, поворачиваясь в постели лицом к нему.

– Кто приходил? – опешил Мика, не зная, что сказать.

С недавних пор выйдя на пенсию и с удовольствием избавившись от необходимости искать новую работу, Мика пристрастился к игре в домино. Уютный сквер возле дома, где собирались пенсионеры, так ему понравился, что он тоже порой ходил туда и там отдыхал душой, садился на скамейку или порой брал с собой из дома табуретку и азартно забивал «козла», и достиг в этом забивании определенных высот, часто выигрывал, что было похвально, потому что игроки здесь были с многолетним опытом, очень искусные и обыгрывать их порой бывало нелегко. Играли азартно, хотя и не на интерес, просто игра для игры, как искусство для искусства. В сквере его знали как писателя и, завидев его, тащившего за собой табуретку, шуршащую ножками по асфальту сквера, говорили доброжелательно:

– Вот наш писатель пришел.

И приветствовали с почтением. Мике было лестно такое слышать, однако слово «наш» было лишним, ему хотелось, чтобы его принимали не только как «нашего», а как общеизвестную личность, хотелось быть «нашим» для всего мира, но делать замечания по этому поводу он не решался. Играл азартно, интересно проводя время среди своих сверстников, игроки понимали друг друга с полуслова, и вскоре Мика здесь сделался своим.

– Вот наш писатель идет, – говорили уважительно.

Да, он был не по годам наивен и прост, мой друг, и простота его порой была, как говорится, хуже воровства, солидное состояние, оставшееся после матери, он даже не прокутил, что было бы естественно для бесшабашного мужчины, но большую часть он роздал, одалживая всем, кто просил и забывая потом потребовать долг;

многие называли бы его сегодня лохом, несмотря на солидный возраст, и, благодаря несолидному поведению, фразером, готовым все отдать первому попросившему, что часто с ним и бывало, но все его существование на этой земле состояло из главных моментов – влюбленностей, он полноценно жил только лишь в этом состоянии, дышал полной грудью, растворялся и порхал, как бабочка в весеннем воздухе, как задохнувшаяся на горячем песке рыба, которую вернули в море; он не переставал влюбляться и был переполнен жизнью, а в другое время казался вялым, бездеятельным, с усталой душой. Его мог обмануть любой сантехник и обманывали, запрашивая тройную цену, и он, радуясь, что работа выполнена, с удовольствием соответствовал. Сам он абсолютно не разбирался в житейских, хозяйственных делах и вполне отвечал избитому выражению «гвоздя не может прибить», и не то, что гвоздя, ножи не мог наточить, по всякому смехотворному поводу обращаясь к специалистам. Специалисты с удовольствием приходили, зная, что в этом доме их не обидят, выполняли пустяковую работу и запрашивали втрое, или же напротив, как было принято в их среде, поступали более хитро, и на вопрос хозяина: «Сколько должен?», лукаво отвечали: «Сколько не жалко» и, конечно, получали больше, чем заслужили; Мике не было жалко, потому что не он зарабатывал, расплачивался под сердитым, негодующим взглядом более практичной жены, которая всему знала цену.

– Я с ней, – как-то признавался он мне, – нормально прожил только лишь первые четыре года, потом она стала болеть, нервное расстройство, нервное расстройство, и приходилось возиться с её болячками, водить по врачам, ездить к целителям, народным, так сказать, эскулапам по районам республики, да и многие оказывались явными аферистами, да, аферистами, кучу денег потратил, потратил, ну это еще ничего, я мало был счастлив с ней по-настоящему, по-настоящему, и жалко её, бедняжку, да что поделать?..

Сейчас, когда я его вспоминаю, я невольно ловлю себя на мысли, что на ум приходят только истории о его влюбленностях... влюбленностях... не знаю, можно ли так сказать, но я уже сказал и даже повторил, как обычно делал он. Это были главные вехи в его жизни – его многочисленные влюбленности, он, видимо, не представлял себя без этого сказочного, волшебного состояния, и все, что в дальнейшем пережив, он рассказывал мне, все, чем делился со мной, было так или иначе связано именно с этим ощущением своей проснувшейся души. Это было его нормальным состоянием, другое он отвергал, не признавал, как сон, как вынужденное, ненавистное спокойствие, когда обычно не чувствуешь, что в груди у тебя бьется сердце. Нет, ему надо было чувствовать, ему надо было, чтобы его сердце тосковало, болело, ныло, радостно трепетало от любви, тогда он ощущал себя живым. Кстати, и те немногочисленные, довольно-таки жиденькие его опусы, с покушеньями на громкое звание литературных произведений, были полностью посвящены этой теме – любви. Просто он не умел и не знал, как переполнявшие его чувства передавать словами. Впрочем, этого никто не знает.

– У меня свое творчество, – любил он заносчиво произносить, когда ему ставили в пример более удачливых его коллег. – И у меня своя тема... Вечная тема.

Да, тема, несомненно, была вечная, но исполнение оставляло желать много лучшего.

Однажды, окончив первый курс института, он, непонятно из каких соображений не пожелав вернуться на каникулы домой и остался на летние месяцы в почти опустевшем общежитии института, предоставив мне отчитаться – непонятно как – перед его строгой матерью, железной, мужеподобной (что ж, можно понять – жизнь её такой сделала при женоподобном муже) дамой, при одном взгляде на которую меня охватывал священный трепет, и не только соврать ей не приходило в голову, но и нежелательную для неё правду сказать было страшновато: а вдруг заподозрит

вранье? А этот паразит, так и не открывший мне своей цели, не сообщив, зачем остается, как ни в чем ни бывало, проводил меня со словами:

– Ну, придумаешь что-нибудь. У тебя хорошая фантазия. А я ей позвоню, пусть не волнуется.

Я подумал, что, верно, ему не хочется быть в подчинении у волевой и чрезмерно строгой мамы, не хочется провести летние каникулы у неё под каблуком, тем более, что один уже там был, а именно – папаша.

Как он в одиночестве провел два летних месяца, он мне не рассказывал, но закончили его каникулы тем, что он в очередной раз влюбился, теперь – в абитуриентку-молдаванку, приехавшую поступать в институт из города Кишинева. Как всегда – без памяти. Они подружились и довольно крепко. Абитуриенты, сдававшие вступительные экзамены, жили в общежитии института тремя этажами ниже нашего, она же и вовсе перебралась в его комнату, загуляли (видно, девчонка тоже потеряла управление), по Москве побродили, Мика по её просьбе поводил её по достопримечательностям (сам он к ним был равнодушен), ходили вместе в музеи, в театры, сидели в кафе, в ресторанах, где он был завсегдатаем, ели вместе, спали вместе, одним словом, ей стало не до экзаменов, и, естественно, она их провалила и, охваченная горем, засобиравшись домой. Мика решил составить ей компанию, но тут семейная жизнь их разладилась с громким треском: она обвиняла его в том, что ей не удалось поступить, он умолял её не обвинять его, короче – землетрясение в общежитии, буря в стакане воды. Улетела в слезах, а Мика очень переживал, как после каждой своей влюбленности, закончившейся фиаско. Очень переживал, но на этот раз обошлось без попытки суицида.

Он, принятый в Союз писателей, когда ему было уже почти под пятьдесят, и издавший за всю жизнь две книги с перерывом в десять лет, очень гордился собой, наивно полагая, что теперь он официально признанный писатель, не понимая и не желая понять, что ни одно сообщество, объединение или союз не может сделать человека творческой личностью, писателем.

– Они не могли не принять меня. Все-таки я окончил такой престижный институт, – говорил он, высокомерно, сверху вниз, поглядывая на меня, забыв, что и я окончил тот же институт.

Когда по всей огромной, разваливавшейся на глазах стране хлынула, подобно потоку, вакханалия, когда началась война соседней республики с нашей, когда к власти временно пришли люди, абсолютно не умевшие управляться с этой властью и моментально наломавшие дров, что дорого обошлось рядовым гражданам, когда горлопаны успешно выдавали себя перед толпой за отцов народа, когда воровство, откровенные грабежи и взятки охватили пожаром республику, когда по всей огромной территории развалившейся страны свирепствовали беспредел, бандитизм, вооруженные стычки между сторонниками различных политических группировок, и когда, наконец, это тревожное безвременье завершилось, случайные люди, дилетанты были вышвырнуты с высоких постов, и пришел к власти настоящий лидер, когда в нашей республике вслед за ликвидацией цензуры возникла свобода слова и, как следствие этого, появились сотни изданий, в том числе немалое количество полуграмотных желтых газетенок, печатавших все, что в голову взбредет учредителю, мой друг в этот недолгий период воспрянул духом и, улаживая свое честолюбие, в какой-то газетенке, которая недолго просуществовала, ухитрился опубликовать рецензию на свою книгу; судя по стилю и бесконечно повторяющимся восторженным оборотам, он сам её и составил, что не мешало ему с удовольствием многократно перечитывать рецензию и давать читать всем знакомым и малознакомым. Дальше – больше. Однажды – уже в другой, но ничем от первой не отличавшейся газете я увидел интервью с моим дру-

гом, где он скромно признавался, что его роман будет экранизирован – ни много, ни мало – в Голливуде, и играть в главной роли будет – ни много, ни мало – звезда этого самого Голливуда. Судя по абсолютной схожести стиля и слога, по всей видимости, и это сочинение принадлежало перу моего «предприимчивого» друга молодости, придумавшего вопросы, на кои приятно было отвечать. Никому, конечно, от этого вреда не было, но он, Мика, показался с новой, неожиданной стороны, и мне лично это проявление новой грани в нем показалось интересным, доказывавшим, что он человек «многогранный», разный и может быть очень даже непредсказуемым. По крайней мере, многие, кто его знал, не ожидали от него такой прыти и распирающего тщеславия. Однако на этих двух газетных материалах, где всплыло его имя, вечер воспоминаний был завершен.

Мы сидели в забегаловке, куда он меня затащил, чтобы пооткровенничать. Пахло кислой капустой, и пьяный товарищ за соседним столиком чесал грудь и сплевывал на пол.

– Пойдем отсюда, – предложил я. – Тут рядом есть приличное кафе.

– Финансы поют романсы, – ответил он избитой фразой шестидесятых годов, когда в нашу литературу пришла новая волна, совершая периодические приливы и отливы.

– Я при деньгах, – сказал я. – Пошли.

– Но все же обидно, – проигнорировав мое приглашение, вздохнул он, как старая бабка, у которой воры стащили пенсию. – У меня юбилей был, и хоть бы кто вспомнил, хоть бы какое-нибудь звание – заслуженный работник, или хотя бы грамоту почетную...

– Они еще горько пожалеют об этом, – сказал я, не пытаясь скрыть издевки в своем голосе, в отместку за его высокомерные взгляды.

– Ты думаешь? – совершенно серьезно спросил этот олух.

– А как же! – теперь уже стараясь придать голосу искренние нотки, ответил я. Он горестно покачал головой.

– Все же обидно, обидно, когда не замечают заслуг, правда?

– Конечно, правда, – согласился я. – Но ты не огорчайся. Вся жизнь впереди – надейся и жди, – вспомнил я строчку из любимой им глупейшей песенки, которую он напевал, еще будучи студентом.

– Да, – подтвердил он, заулыбавшись. – Я тоже так думаю. Надежда все же...

– Умирает последней, – подсказал я набившее оскомину выражение.

– Точно! – обрадовался он и начал свои долгие многословные признания, которые я не раз слышал. – Вот я порой думаю... думаю... – и замолчал.

– Думаешь, – подтолкнул я его, чтобы побыстрее закончил.

– Да, думаю, а хорошо бы где-нибудь за рубежом издать книгу, прославиться и тогда здесь, тогда здесь, тогда они на самом деле пожалеют, что не замечали, не замечали...

– Да, да, ты прав, – подхватил я краешек его мысли, которую он мог развивать долго, потому что это были даже не мысли, а его давние мечты, о чем он мог говорить бесконечно. – Только надо сразу Нобелевскую, не размениваться по мелочам, тогда здесь точно пожалеют.

Вот так вот. И все, что так или иначе составляло небогатую гамму мыслей, чувств, проблем, неприятностей, настоящего вдохновения, что он время от времени испытывал на себе, Мика принимал с благодарностью, как дар свыше, и с горящими глазами или с печальным выражением лица, в зависимости от происходящего с ним, признавался:

– Я сейчас переживаю творческий кризис, – говорил он в другой раз, в другом месте (время и пространство постоянно менялось, в зависимости от того, сколько

имелось у нас в наличии), после третьего бокала, когда мы сидели в открытом кафе в центре города, а мимо проходили люди и иногда поглядывали на нас, что он, оторванный от реальности и навязчиво мечтавший о писательской славе, моментально приписывал своей популярности. – Ты не представляешь, как это тяжело...

Вся атмосфера места, где мы находились в данный момент, и прохожие, прогуливавшиеся мимо кафе, бросавшие порой равнодушные взгляды на двух абсолютно не притягивавших взгляды немолодых мужчин за столиком, никак не располагали к подобного рода откровениям профессионального характера, но Мика ничего этого не замечал, видимо, задавшись целью нагрузить меня своими проблемами, как признаются духовнику в тяжелых ситуациях жизни.

– Я не представляю?! – тем не менее, подхватил я разговор, возмущившись такой наглостью. – Да у меня тысячу раз...

– Нет, нет, – возражал он, не дав договорить мне, зная, что ничего хорошего для него из нашего спора не получится. – У меня не так, как у всех... У меня...

– Еще бы, – на этот раз не дал ему договорить я и язвительно прибавил, – когда пишешь раз в десять лет, это и будет не как у других, ты должен был испытывать творческий кризис все десять лет и еще все эти годы после второй книги.

Он горестно потряс головой, допив вино в своем бокале, не приглашая меня присоединиться, и печально произнес:

– Вот и ты меня не понимаешь.

– А что ты хочешь, чтобы я сказал? – спросил я, даже не пытаясь сообразить, чем в данной ситуации я мог бы ему помочь.

– Ничего, – сказал он обиженно. – Посоветуй, как быть...

– Что же я могу посоветовать? – ответил я, тем не менее, призадумавшись. – Осторожнее, ты прольешь...

– Посмотри, какая девчонка красивая, – вдруг совершенно другим тоном произнес он тихо, показывая взглядом на проходившую ватагу молодежи мимо нашего столика.

– Которая? – я стал искать глазами: молодых девушек, уже миновавших наш столик, был четверо, так что пришлось оборачиваться им вслед.

– Вот та, смазливая, в синей короткой юбке, с ляжками, – быстро сказал он.

– Смазливая? – сказал я. – Теперь я могу видеть только её ляжки.

Он вздохнул печально.

– Ну, что же мне делать? – опять вернувшись к своему занудливому тону, произнес он, уставившись мне в лицо, будто ожидая, что сейчас я выпишу ему рецепт и подробно изложу, что следует делать в таких случаях.

Тем не менее, подумав, я посоветовал ему, на мой взгляд, неплохой вариант, заранее будучи уверен, что он или отвергнет его сразу, или не последует ему в дальнейшем.

– Детство... – сказал я.

– Что – детство? – спросил он, не отрывая умоляющего глупого взгляда от моего лица, так что мне сделалось неловко и я стал крутить головой, будто бы рассматривая прохожих, чтобы избавиться, сбросить со своего лица его назойливый взгляд.

– Детство, – сказал я. – Детство... Да перестань есть меня глазами, как педик, тут люди ходят...

– Ладно, – покорно согласился он и отвел взгляд на соседний столик, за которым собралась компания арабских женщин, укутанных до глаз в черные паранджи. – И что – детство?

– Детство – это золотой источник для любого писателя, – сказал я. – Вспомни свое детство, наверняка найдешь тему хотя бы для рассказа.

– Да, – ворчливо, недовольно произнес этот неблагодарный тип. – Я думал, ты

что-нибудь дельное предложишь...

– Вот сволочь, – сказал я. – Дельное ему подавай. Может, еще на руках тебя поносить?..

– Детство, – повторил он. – Детство у меня было такое ровное, незапоминающееся... Ты же знаешь, мама у меня всегда была на высоких должностях, мы жили в элитной квартире, из тех, что тогдашнее государство выделяло только для больших ученых, писателей, знаменитых певцов, артистов... – вспоминая давно известные вещи, этот негодяй вновь посмотрел на меня снисходительным взглядом, как-то сверху вниз, хотя был ростом меньше меня и за столиком сидел так, что со спины можно было принять его за чрезмерно откормленного лилипута, но такие оскорбительные взгляды бросать он умел, почему, наверное, и остался постепенно без друзей, все отвернулись от него, кроме меня, дурака. – Народ в ту пору жил в многосемейных тесных двориках в нашем городе, – итальянские дворики, ты знаешь, – колоритные были кварталы, улицы, дома старого города... Вот если бы там... там бы нашлось множество тем из детства... Конечно... А я жил как-то обособленно, дружить разрешалось только с мальчиками и девочками из хороших семей, которые успешно проходили через цензуру мамы, вот я и жил в закрытом мирке, в каком-то вакууме... Хотя... – он призадумался и продолжил после короткой паузы, – помню, одно время я увлекся нумизматикой, собирал старинные монеты разных государств, и все папины и мамины гости, зная моё увлечение, приносили и дарили мне интересные монеты, я подолгу мог любоваться, изучать свою коллекцию, года два я увлекался этим...

– И отлично, – поддержал его я. – Хотя какое-то занятие...

– Да. Однажды ко мне пришел мой школьный товарищ, из хорошей семьи, – с иронией произнес он, выделив обстоятельство, которое было навязано его мамой. – Мы долго рассматривали мою коллекцию, он тоже увлекался монетами и принес некоторые, чтобы обменяться, помню, меня не заинтересовали его монеты, моя коллекция была намного богаче, чем его, но чтобы не обидеть товарища, я согласился и обменял две или три монеты явно в его пользу, и тут...

– Ага! – азартно воскликнул я, так что арабские женщины обратили к нам свои закутанные лица. – Начинается интрижка!.. Скорее раскручивай.

– Да, – согласился он, покивав. – И тут я заметил, как он потихоньку взял из кучки моих монет одну, кажется, это был старинный серебряный дирхем, и незаметно положил её в карман. Но я увидел. И мне стало так стыдно и неловко за него... короче – я сделал вид, что не заметил. Он так и унес украденную монету.

– Ты как был лохом в детстве, так им и остался, – с досадой произнес я.

– Да, – согласился он, опять покорно покивав. – Наверно, ты прав... Но это было не совсем детство, уже постарше был, кажется, в восьмом классе учился... Потом этот мальчик, окончив институт... между прочим, он тоже в Москве окончил, уехал в Канаду...

– Вот у тебя и готовый рассказ, – сказал я. – И концовка есть, и чувство ностальгии можно прибавить: тоску по товарищу, который уже не сможет тебя надуть...

– Где же готовый?... – пробормотал этот нытик, не обратив внимания на иронию в моих словах. – Нет сюжета, крепкой драматургии...

– Мозгов у тебя нет! – с досадой произнес я.

– А вот еще эпизод из детства, – сказал он задумчиво, глядя на меня так, будто я был стеклянный и сквозь меня было видно, что там, за моей спиной. – То, что врезалось... в память сердца.. мне тогда было лет пять... Да, не больше...

Я это вспоминал мучительно, тяжело, и не мог вспомнить до конца, то есть не мог прочувствовать до конца одно далекое, очень давнее воспоминание детства. В ту пору отцу моему было тридцать два, матери двадцать девять, и она еще не была на руководящем посту, который сделал из неё мужика. Их пригласили на свадьбу, и они

оставили меня у бабушки, у папиной мамы, оставили на ночь. Бабушка жила вместе с младшим братом отца, моим дядей, он еще не был женат. Был поздний вечер, дома в этот час я давно уже спал, но новые условия – хотя у бабушки я бывал часто, просто на ночь не оставался – взбудоражили меня немного, сон бежал от меня, чему я не очень огорчился, гораздо меньше, чем бабушка, которая то и дело твердила мне: «Пора спать, тебе уже давно пора спать, закрой глазки, спи...» Я лежал под бабушкиным одеялом, необычно пахнущим, корицей, что ли... теперь я не могу восстановить эти сложные бабушкины запахи, оставшиеся в той ночи детства. И мучаюсь... и правильно мучаюсь, потому что запахи – это, пожалуй, самые главные ориентиры детства, а когда их невозможно точно вспомнить, то воспоминания расплываются в размытых картинках, что давным-давно уже дополнились нашей фантазией, как детской, так и – задним числом – не детской, и нельзя определить точно – было ли на самом деле именно так, как мы вспоминаем сейчас, когда прошло много лет, почти целая жизнь... А запахи... это совсем другое... они пробуждают достоверные факты, как направленный взрыв устраняет именно тот объект, который намечено устранить... Я, помню, лежал, не отвечая на реплики бабушки, слушал мугам из радиоприемника, висящего на гвоздике (простого, примитивного радиоприемника, который в ту пору был почти у всех) на веранде старого дома, и дядя, проходя мимо, прибавил звук и сам стал неумело, тихо напевать, а бабушка что-то прошипела, что, мол, потише, ш-ш-ш, ребенок засыпает, и печальные звуки щемили душу мою, и безотчетные слезы наполняли мои глаза в темноте, и мне хотелось домой, к привычным запахам, к маме... А дядя, подпевая тихо и неумело ханенде-певцу мугама, проходил медленно по веранде, мимо приемника, мимо ворчания бабушки, мимо моих неоправданных слез...

Я слушал его, раскрыв рот, удивляясь, как он проникновенно рассказал этот эпизод.

– Рассказал, как написал, – только и мог произнести я.

Мы помолчали.

– Вот и напиши об этом, – сказал я. – Здесь много чувства. Это здорово.

– Да... Напиши, – тоскливо пробормотал он.

И тут меня будто озарило, словно открылась некая тайна: я понял – он боялся. Да, он боялся. Я часто наблюдал его, когда он работал, когда дни его были забиты работой, наблюдал в те редкие периоды жизни, когда он писал. Он становился очень рассеянным, ничего не замечал вокруг и жил словно вне реального времени; он буквально заболел, всем своим видом напоминая больного, тяжело переносившего болезнь – ему будто становилось неуютно в своей телесной оболочке, а телу его неуютно и некомфортно в этом мире. Он заболел, потому что то, что он чувствовал в себе, то неуловимо-нежное, тонкое, порхающее, еще не тронутое сознанием, но в то же время неизмеримо и страшно глубокое, это приходило в противоречие с топорным исполнением, с грубыми, неотесанными, слишком телесными словами, которые разрушали весь аромат и все тончайшие краски ощущений. Да и запаса слов у него было маловато для выбранной профессии. И вот это его внутреннее противоречие, нестыковка ощущений и возможности исполнения сводила его с ума, страшила, изводила, отнимала все силы, выворачивала душу, и он боялся такого состояния, старался отдалить его, и в итоге – множество незавершенных проектов и две не очень интересные книги за всю жизнь.

– А после этого я влюбился, – вдруг оживился он, заговорив совсем другим голосом, звонким, ярким, – мне тогда было лет семь, и я просто адски влюбился в одну девчонку...

– Да слышали уже тысячу раз! – перебил я его в тысячный раз.

Вот такой был мой друг, Мика. Его пытались перевоспитать, вразумить, дать понять, что в жизни есть немало важных дел, кроме бесконечных любовных историй,

но вот этого как раз он и не мог понять, как пятилетний мальчишка. Детство его было настолько беззаботным под опекой бдительной и располагающей большими возможностями матери, что никаких интересных событий он в тех годах не находил; он ярко и отчетливо помнил только те периоды своей жизни, когда буквально источал из своей души и сердца бесконечные, фонтанирующие влюбленности...

И, видимо поняв, что с Микой дело безнадежное, двойник постепенно перестал его навещать, учить уму-разуму, рациональности, наставлять на верный, практичный путь, и Мика иногда вспоминая его, задумывался: зачем он вообще приходил, что ему нужно было? Сделать из него совершенно другого человека? Для чего? Он не хочет быть совершенно другим, не хочет, как многие его знакомые, быть практичным, умеющим добиваться своего, наступать на пятки, шагать по трупам. Да, он честолобив, это есть, он хочет, чтобы и его время от времени вспоминали, знали бы, что он живет и любит жизнь, и, пожалуй, это и есть самое главное, разве не так? – думал про себя Мика, бессознательно ожидая своего двойника, чтобы доказать именно ему, чувствуя, что тогда он, Мика, успокоится. Но двойника не было, видимо, он отрекся от трудновоспитуемого подопечного, или же понял, что человек, даже такой, как его близнец, над которым он взял добровольное шефство, очень разный, и в нем уживаются многие, совершенно непохожие характеры: он может быть тщеславным и безрезультатно, как попрошайка, обивать пороги у высокого начальства, но в то же время безобидным, может быть честолобивым мечтателем и позером, может в своих бесполезных мечтах видеть себя достигшим больших успехов и высот в профессии, признаний и почета, не прилагая никаких усилий в реальной жизни, не ударив пальцем о палец, может вдруг, повинуясь импульсивности характера, сорваться и уехать на Мальдивы... Да, человек может быть разным, как был очень разным мой друг, Мика; и он даже не стремился свои непохожие, полярно отличавшиеся черты характера усмирить, заставить служить одной практичной цели, которая сделала бы всю его жизнь текущей по нужному руслу... Но главное в его жизни было, было...

Последнее посещение двойника после длительного перерыва произошло за год до смерти Мики, когда мы с ним уже давно отделились и изредка, издали заметив, кивали друг другу. Ничего не изменилось в его монотонной – без прежних вспышек – жизни, и он беззаботно, не думая о завтрашнем дне, плыл по течению, ожидая, что все-таки это течение рано или поздно куда-нибудь его прибьет... Он давно уже, насколько мне было известно, замкнулся в себе, не участвовал в редких пирушках в кругу приятелей, вел трезвую, вялую, сонную жизнь... И однажды вдруг страшно напился, еле приполз домой, перепутав этаж и квартиру; ударился лбом о дверь женщины-соседки, в которую когда-то был влюблен, сполз в полуобморочном состоянии на колени у её порога, словно испытывая запоздавшее раскаяние, был доставлен её мужем по назначению и сдан с рук на руки жене, которая страшно перепугалась, увидев мужа в таком виде, и никак не могла догадаться, что он попросту напился до чертиков, и никакой это не инфаркт и не инсульт, как пронеслось в голове в первый миг, а самое пошлое алкогольное отравление, что он и подтвердил, проблевавшись на пороге спальни. Она уложила его спать, как был – в полубессознательном состоянии.

– И чего он так напился? – спросила жена у самой себя, протирая загаженный пол, вышла из спальни, плотно притворила за собой дверь и пошла звонить старшей дочери, чтобы сообщить о случившемся.

– Ты же прекрасно знаешь, мама, – сказала дочь в ответ на её взволнованный лепет. – Он всегда был непредсказуем, поди, разберись, почему он так напился...

– Но ведь уже лет десять, как совсем бросил, не притрагивался, даже на свадьбах, на банкетах... – пыталась понять жена, думая, что дочь натолкнет её на разгадку. – Не понимаю... В его возрасте, с его здоровьем... Чует мое сердце – что-то случилось...

А случилось то, что он неожиданно после долгой разлуки встретил своего ненавистного двойника, и вдруг будто яркое солнце осветило всё его туманное пребывание на этой земле, и в свете этого яркого солнца он с беспощадной очевидностью увидел, как на ладони, всю свою жизнь, убедился, что все годы посвятил химере, за тенью которой бегал, и весь этот рассказ не имел бы никакого смысла, если б не последняя его встреча с двойником, который, кстати, на этот раз был совершенно немногословным: все необходимое продумал, сообразил, вспомнил и довел до ума сам Мика. Уж что они там, два близнеца, говорили, что наболтал, вернее – намолчал и молча внушил ему двойник, так и останется тайной; но его, Мику, после встречи пронзила взорвавшая его ум, перевернувшая все его существо, сердце и душу мысль, что все эти годы он бегал за никчемной тенью несбыточного, за тенью своей глупой мечты, и бегал тоже как-то лениво, плелся, тащился, а не стремился... И теперь надо отказаться от всего, что мечталось, на что незаслуженно надеялось, что беспричинно ожидалось, желалось, желалось... Дышать становилось трудно, давило на грудь, будто этот бестелесный двойник, неизвестно откуда позаимствовав огромную тяжесть, навалился, сволочь, ему на грудную клетку, заключил в железные объятия, не желая отпустить, хотя бы немного ослабить тиски, чтобы можно было вздохнуть...

Двойник Мики покинул его навсегда, растворился, исчез, как и полагается исчезать зловредным двойникам-призракам, не дающим покоя людям: вот обязательно надо было этому поганцу пробуждать, беспокоить, тревожить бедного человека! Заблуждался, ну и пусть бы заблуждался... Мало ли людей, которые всю свою жизнь тратят на заблуждения, и что, всех надо теребить, будить их сознание, их совесть?..

Утром Мика проснулся другим человеком, будто впервые у него открылись глаза на свою жизнь. Он заметно притих, посещал ближайший скверик, если разрешала жена, и играл в нарды и домино с пенсионерами, которые полюбили его за тихий нрав, за улыбочное лицо, за то, что не любил спорить – редкое и приятное исключение в среде заядлых игроков.

– Вот наш уважаемый писатель идет, – говорили пожилые игроки, улыбаясь, кивая ему и уступая место.

– Доброе, доброе утро, – подойдя, приветствовал он старых знакомых, пожимая всем по очереди руки.

И жена с тех пор не узнавала его, он стал еще более покладистым, покорно исполнял её желания, ходил в магазины и на рынок, покупал по её указке, ходил с ней по гостям, которых раньше на дух не переносил, смотрел дома телевизор, кивая и соглашаясь, как тихо помешанный, со всем, что говорилось, пелось и плясалось с экрана, вовремя ложился спать и почивал до утра как сурок, если изредка не вторгалось в его ночной отдых желание перезрелой подруги жизни. И перестал видеть сны.

За два дня до смерти семидесятичетырехлетний Мика сидел у себя дома за компьютером у окна и просматривал Фейсбук, доброжелательно раздаривая всем незнакомым друзьям алые сердечки, как раньше раздавал деньги всем, кто к нему обращался; он рассеянно смотрел на экран, порой бросал задумчивые взгляды на оживленную улицу, где взад и вперед шмыгали машины, будто соревнуясь с пешеходами в нарушение правил уличного движения, и тут его взгляд привлек старик, одетый точно в такой же полосатый домашний халат и тапочки. Мика внимательнее пригляделся к ковылявшему по проезжей части старику, так странно одетому для улицы, опустил взгляд, посмотрел на свои тапочки, подаренные семьей неделю назад на его день рождения, еще раз пристально глянул на ноги старика в тапочках – да, точно такие, и халат тот же... И тут старик поднял голову и посмотрел на Мику в окне, прямо ему в лицо, будто прицелился, и Мика узнал своего двойника, узнал свой ушедший в небытие, высокомерный, надменный взгляд, которым даже оттуда, снизу,

старик ухитрялся смотреть на свой оригинал; узнал двойника, о котором уже стал забывать: теперь в нем не было необходимости, все, что нужно было сказать, было сказано, точнее – молчаливо подумано между ними. И Мика уже хотел отвести взгляд и вернуться к просматриванию ленты на Фейсбуке, когда мощный внедорожник, выскочив из-за угла на большой скорости, сбил старика и, не притормозив, помчался дальше. Мика равнодушно наблюдал, как двойник отлетел от столкновения, как полосатый мячик ударился о переднее стекло автомобиля и благополучно растворился в воздухе. А улица продолжала, как ни в чем не бывало, свою прежнюю суету и беспорядочное движение. Никто, казалось, ничего не заметил...

Он машинально, бездумно смотрел в окно и вдруг вспомнил, как много лет назад водил девочек в цирк: старшей, кажется, тогда было семь, а младшей четыре, и восторг и благодарность этих, пожалуй, самых близких маленьких существ, оживившись в душе, будто только вчера они сидели на цирковом представлении, облило сердце Мики горячей волной счастья, и в глазах запоздало, через десятки лет выступили слезы, и он еще раз окончательно убедился, что эти десятки лет надо было потратить на своих самых дорогих, самых горячо любимых, а не гоняться бессмысленно за туманными и никчемными честолюбивыми мечтами.

Через два дня Мика умер, он нельзя сказать, чтобы болел, хотя обычный букет, скорее, букетик старческих немощей, конечно, имелся, но не это явилось причиной ухода. Длительное время он ощущал острую тоску и тяжесть на сердце, постепенно утрачивая желание жить, двигался как сомнамбула и внутри себя, несмотря на движение, походы в магазин, хождение из угла в угол по комнате и прочее, чувствовал нечто, похожее на летаргический сон, когда все внешнее его не касалось, не тревожило, не беспокоило, не вызывало интереса...

Ни одна организация, ни одно информационное агентство, ни один из многочисленных каналов местных новостей никак не отреагировали на уход пожилого писателя, одна лишь мало популярная газета дала короткий некролог, где было отмечено, что усопший являлся выпускником престижного и всемирно известного института. Но Мике уже было наплевать на это...

Вот я рассказал о своем друге молодости, и мне вроде бы стало легче. И хоть в последние годы мы не очень-то были близки, как в юности, но с его уходом в моей душе появилась зияющая пустота, которую нечем было заполнить, потому что, несмотря ни на что, он занимал в ней, в моей душе, свое давнее место вместе с нашими общими воспоминаниями, и теперь, проходя мимо сквера возле его дома, в котором он сидел и играл в домино или в нарды с такими же пожилыми пенсионерами, как он сам, я уже никогда не увижу его, никогда издали не помашу рукой, приветствуя и видя, как и он машет мне, никогда не увижу... И вот я думаю об этом «никогда» и мне становится очень грустно. И с годами, пока я жив и теряю давних друзей, пустота во мне все больше увеличивается, потому что, как бы то ни было, все они жили в моей душе, все занимали свое место, и, уходя из жизни, они не могли уйти из моей памяти, оставались в ней, но я по-прежнему искал их вокруг себя, искал их в жизни, в которой я пока еще пребываю, оставаясь все более одиноким, одиноким...
